

Абба Евагрий Понтийский

О ПОМЫСЛАХ

Діла чістаа

Авва Еварий Понтийский

О ПОМЫСЛАХ

*Перевод и комментарии
профессора, доктора церковной истории
А.И. Сидорова*

Сибирская Благовзвонница
Москва
2012

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-107-0694*

Авва Евагрий Понтийский

Е 13 О помыслах / Пер. и коммент. А. И. Сидорова. — М.: Сибирская Благовонница, 2012. — 206, [2] с.

ISBN 978-5-91362-535-9

Евагрий Понтийский — известный представитель монашеской письменности IV века, ученик великих святых отцов-каппадокийцев. Предлагаемое произведение «О помыслах» содержит в себе тончайший анализ внутреннего мира монаха-подвижника, ведущего невидимую брань против дьявола и нуждающегося в верном критерии — даре «различения помыслов». В книге раскрываются глубинные психологические законы опытной православной аскетики и в целом духовной жизни. Данное произведение переведено профессором МДА А. И. Сидоровым и снабжено обширными комментариями к тексту, что еще более углубляет понимание его читателем.

УДК 242

ББК 86.372-43

Печатается по: У истоков культуры святости: Памятники древнецерковной аскетической и монашеской письменности / Пер., вст. статья и коммент. А. И. Сидорова. М.: Паломникъ; Сибирская Благовонница, 2002. С. 387–477 (Православное монашество и аскетика в исследованиях и памятниках).

ISBN 978-5-91362-535-9

© Сидоров А. И., пер., коммент., 2002

© Оформление, Сибирская Благовонница, 2011

От редакции

Евагрий Понтийский (346–399), известный представитель монашеской письменности IV века, ученик великих святых отцов-каппадокийцев — святителей Василия Великого, Григория Богослова, участник II Вселенского Собора 381 года в Константинополе, был сыном епископа. Он родился в городе Ивора в малоазийской провинции Понт, потом переселился на Восток — ненадолго в Иерусалим, а затем около 383 года в египетскую Нитрийскую пустыню и пустыню Келлий южнее Александрии. Строгий подвижник, известный среди египетских монахов, Евагрий был знаком с двумя великими Макариями — преп. Макарием Египетским и Макарием Александрийским. Евагрий Понтийский стал первым плодовитым монашеским писателем в истории Церкви. Его многочисленные произведения, большинство из которых

Абба Евагрий Понтийский

посвящено теме иноческого аскетического делания, вобрали в себя жемчужины духовного опыта древней монашеской традиции египетской пустыни. Несмотря на последовавшее после кончины церковное осуждение Евагрия за его некоторые догматические оригенистические взгляды, Церковь восприняла лучшее из наследия этого автора, а именно аскетику, включив, в частности, в XVIII веке некоторые его сочинения в известное «Добротолюбие».

Предлагаемое произведение «О помыслах» содержит в себе тончайший анализ внутреннего мира монаха-подвижника, ведущего невидимую брань против диавола и нуждающегося в верном критерии — даре «различения помыслов», от принятия или отвержения которых зависит дело спасения монаха и его духовное совершенство. В книге раскрываются глубокие психологические законы опытной православной аскетики и в целом духовной жизни. Разнообразие мысленных демонических внушений приводится Евагрием к строгой классификации восьми главных греховных помыслов, сочетания которых порождают другие грехи

О помыслах

и греховные привычки. Автор посвящает читателя в искусство борьбы с ними и, напротив, возвращения в себе добрых — Божественных и ангельских помышлений. Этот духовный путь есть не только путь борьбы с мысленным злом, но и путь глубокого внутреннего самопознания, открытый каждому, и ведущий к Богу как Высшей Цели духовной жизни. Читатель, усвоивший духовные уроки этого произведения, сможет контролировать свою мысленную сферу и владеть собой в самых разных жизненных ситуациях.

Данное произведение переведено профессором Московской Духовной Академии, доктором церковной истории А.И. Сидоровым и издано впервые в книге «У истоков культуры святости» (Москва, 2002). Обширные комментарии еще более углубляют понимание текста читателем и вводят в мир духовной реальности православного подвижничества.

П.К. Доброцветов

1

О трех основных помыслах

Из бесов, противостоящих [духовному] деланию¹, первыми выступают те, которым вверены аппетиты чревоугодия, а также те, которые побуждают нас [к исканию] славы человеческой. Все другие [бесы] следуют за этими, воспринимая от предшественников [души] уязвленных ими. Ибо нельзя попасть в руки духа блуда тому, кто перед этим не впал [в страсть] чревоугодия; нельзя возмутиться гневом тому, кто не сражается за яства, или за деньги, или за славу человеческую; нельзя избежать беса печали тому, кто всего этого лишился или не может стяжать²;

О помыслах

нельзя избежать гордости, этого первого порождения диавола, тому, кто не исторг [из себя] «корень всех зол — сребролюбие» (1 Тим. 6, 10), поскольку, согласно мудрому Соломону, «нищета мужа смиряет» (Притч. 10, 4). И сказать кратко: нельзя человеку попасть [в руки какому-либо] бесу, если он прежде не был уязвлен предстоятелями [бесов]³. Поэтому эти три помысла диавол некогда предложил Спасителю: первый, когда просил камни сделать хлебами; второй, когда обещал [отдать] весь мир, если [Господь], пав, поклонится ему; третий, когда говорил, что если [Христос] послушается его, то прославится и ничего не потерпит, бросившись вниз [с крыла храма]⁴. Но Господь наш, явив Себя выше этих [искушений], повелел диаволу отойти прочь, научая этим также нас, что нельзя отразить диавола, если не презреть эти три помысла⁵.

**Чувственные
представления
и память на службе
помыслам**

Все бесовские помыслы вносят в душу представления чувственных вещей; запечатленный ими ум вращает образы этих вещей в самом себе. Следовательно, исходя из [представляемой] вещи можно узнать приближающегося [к нам] беса. Например, если мысленно предо мною предстает лицо обидившего и унизившего меня, то этим изобличается приближение помысла памятозлобия; если всплывает воспоминание о богатстве или славе, то ясно, что мучитель наш узнается по вещи, [вызывающей эти воспоминания]. И в отношении других помыслов [также можно сказать, что] ты можешь обнаружить [того беса], который предстоит и внушает [тот или иной помысел]. Я не говорю, что все воспоминания о таковых вещах

О помыслах

случаются от бесов, поскольку и самому уму, приводимому в движение человеком⁶, присуще воображать [нечто] о существующих [вещах]. Нет, от бесов происходят только те воспоминания, которые увлекают яростное или желательное [начала души, заставляя их] двигаться вопреки своей природе⁷. Вследствие смятения этих сил [души] и ум прелюбодействует и [начинает] бунтовать⁸, будучи не в состоянии воображать о Боге — Законоположнике своем⁹, если только [не] появится та светозарность, которая бывает в [нашем] владычественном начале во время молитвы, при условии, [конечно], отсутствия всех мыслей о [тленных] вещах¹⁰.

**О борьбе
против помыслов
и предостережение
против тщеславия**

Человеку невозможно устранить страстные воспоминания, если он не приложит попечения о желательном и яростном [началах своей души]: первое ему следует истощать постом, бдением и сном на голой земле, а второе умерять долготерпением, прощением обид и милостыней. Из этих двух страстей¹¹ образуются почти все бесовские помыслы, которые ввергают ум «в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 9). Никто не может одолеть эти страсти, если не пренебрежет он яствами, богатством и славой [мирской], а также если не пренебрежет он телом, ибо бесы часто пытаются нанести [свои] удары по нему¹². Необходимо подражать тем, которые, подвергаясь опасности на море от сильных ветров и вздымающихся волн, выбрасывают

[за борт лишние] вещи. Однако, делая это, следует бдеть, чтобы не быть на виду у людей, ибо иначе можно потерпеть более страшное, чем прежде, кораблекрушение, попав под встречный ветер тщеславия¹³. Поэтому и Господь наш, воспитывая ум — кормчего [нашего]¹⁴, говорит: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6, 1). Также: «Когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6, 5). И еще: «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6, 16). Но здесь следует внимать Врачу душ¹⁵: как он посредством милостыни исцеляет яростное [начало души], посредством молитвы очищает ум, а желательное [начало души] изнуряет

Абба Еварий Понтийский

постом. Из этого и образуется новый человек, «который обновляется... по образу Создавшего его» (Кол. 3, 10), в котором, вследствие бесстрастия, «нет мужского пола, ни женского» (Гал. 3, 28) и в котором, благодаря единой вере и любви, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11).

Значение памяти в сновидениях

Следует исследовать то, каким образом бесы запечатлевают наше владычественное начало и производят в нем образы во время сновидений. Ибо то же самое, как кажется, случается с умом, когда он либо [что-нибудь] видит посредством очей, либо слышит посредством слуха, либо [воспринимает что-нибудь] посредством одного из чувств, либо [черпает что-нибудь] из памяти, которая запечатлевает владычественное начало не через тело, но приводит в движение то, что получено ею посредством тела¹⁶. Итак, мне представляется, что бесы [при некоторых сновидениях] приводят в движение память, запечатлевая владычественное начало души, ибо организм [в это время] пребывает бездействующим вследствие сна. Далее, следует исследовать еще и то, каким образом [бесы] приводят в движение память. Возможно, посредством страстей?

Абба Евагрий Понтийский

Да, и это явствует из того, что [мужи] чистые и бесстрастные не претерпевают ничего подобного¹⁷. Но бывает и простое движение памяти, происходящее либо от нас самих, либо от святых Сил, — и тогда мы встречаемся в сновидениях со святыми [мужами], беседуем и трапезничаем с ними. Следует обратить внимание на то, что те образы¹⁸, которые душа воспринимает вместе с телом, эти же образы память приводит в движение и помимо тела — данное обстоятельство очевидно из того, что часто во снах мы претерпеваем подобные вещи, хотя тело пребывает в состоянии покоя. Например, вспоминать о воде можно как испытывая жажду, так и не испытывая ее; о золоте можно вспоминать с [чувством] корыстолюбия, а можно и без него; в отношении прочих вещей дело обстоит так же. И признаком злохудожества бесов¹⁹ служит то, какие различные [сочетания] видений обретает ум [во время сна]²⁰. Кроме того, необходимо знать, что бесы пользуются и внешними вещами, чтобы [произвести в уме] мечтание; например, они пользуются шумом волн для плывущих [по морю].

**Господство
над яростным началом
[души]**

Наше яростное начало, когда оно движется вопреки естеству, весьма способствует достижению бесами своей цели и бывает очень полезно для всякого злохудожества их. Поэтому никто из бесов не отказывается от того, чтобы ночью и днем приводить в смятение это начало. Однако когда видят его скованным кротостью²¹, тогда стараются под какими-либо предложениями освободить его, дабы оно, став более стремительным, могло сделаться пригодным для их зверских помыслов²². Вследствие чего нельзя раздражать это начало ни праведными, ни неправедными делами, чтобы не давать опасный меч в руки внушающих [нам злые помыслы], — я знаю, что многие часто делают это, воспламеняясь [гневом] больше, чем нужно, и [часто] по ничтожным поводам. Ради чего, скажи мне, ты

Абба Еварий Понтийский

столь скор на тяжбу²³, если ты презрел яства, богатства и славу [человеческую]? Почему ты [обильно] питаешь этого пса, дав обет ничего не иметь? Если он лает и бросается на людей, это значит, что он имеет нечто внутри и желает сохранить это стяжание. Я же убежден, что таковой [гневный человек] далек от чистой молитвы, зная, сколь губителен гнев для подобной молитвы. Кроме того, я удивляюсь, неужели он забыл святых, например Давида, который восклицает: «Престани от гнева и остави ярость» (Пс. 36, 8), Екклезиаста, который заповедует: «Отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоя» (Еккл. 11, 10), и апостола, который повелевает воздевать на всяком месте «чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2, 8)? Почему мы не научаемся из таинственного и древнего человеческого обычая — изгонять собак из жилищ во время молитвы?²⁴ Ведь он означает, что [в душе] молящихся не должно быть гнева. Также [сказано]: «Ярость змиев вино их» (Втор. 32, 33), а назореи воздерживаются от вина²⁵. Один из внешних мудрецов

О помыслах

произнес, что желчный пузырь и задние части брюшка [жертвенного животного] несъедобны для богов²⁶, не ведая, как думаю я, о чем говорит. А по моему мнению, желчный пузырь есть символ гнева, а задние части брюшка — символ неразумной похоти.

**Отсутствие
попечения
о мирских вещах**

О том, что не следует печься об одежде или яствах, по моему мнению, излишне писать, ибо Сам Спаситель запрещает это, говоря: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, что пить и во что одеться» (Мф. 6, 25)²⁷. [Такое попечение] присуще язычникам и неверующим, отвергающим Промысл Владыки и отрицающим Творца. Христианам же, сразу уверовавшим, что и две малые птицы, продающиеся за ассарий (Мф. 10, 29), находятся под управлением святых Ангелов, подобное [отношение] совершенно чуждо. Однако у бесов есть обычай внушать после нечистых помыслов [помыслы] попечения [о суетных вещах], чтобы «Иисус скрылся в народе» (Ин. 5, 13), [то есть скрылся в массе многопопечительных] умопредставлений, [столпившихся] на месте мысли²⁸, и чтобы слово

О помыслах

[Божие], заглушаемое терниями заботы [века сего], осталось бесплодным (Мф. 13, 22). Поэтому, отложив помыслы, [исходящие] из заботы [века сего], возвергнем «на Господа печаль нашу» (Пс. 54, 23)²⁹, «довольствуйся тем, что есть» (Евр. 13, 5); проводя скудную жизнь и пользуясь бедной одеждой, ежедневно будем отвергать отцов тщеславия. А если кто считает, что позорно носить бедную одежду, пусть посмотрит на святого Павла, который «на стуже и в наготе» (2 Кор. 11, 27) ожидал «венеч правды» (2 Тим. 4, 8). И поскольку апостол назвал мир сей «позорищем» (1 Кор. 4, 9) и «ристалищем» (1 Кор. 9, 24), то посмотрим, возможно ли тому, кто облачился в помыслы [житейского] попечения, устремляться «к почести вышнего звания Христова» (Флп. 3, 14) и бороться «против начальств, против властей, против мироправителей века сего» (Еф. 6, 12). Я этого не знаю, поскольку воспитан [только] земной действительностью³⁰; [а она научает,] что атлету [на состязаниях] мешает хитон, который делает его уязвимым. Так и уму мешают помыслы

Абба Еварий Понтийский

[житейского] попечения³¹, если истинно слово [Божие,] глаголющее, что ум должен быть отвержен своему сокровищу. Ибо сказано: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21)³².

**О том, как одни
помыслы пресекают
другие³³**

Из помыслов одни пресекают, а другие бывают пресекаемы. Так, помыслы лукавые пресекают помыслы благие, а лукавые, в свою очередь, пресекаются благими. И Святой Дух внимательно следит за тем, какой помысел водворяется первым [в уме], и судя по этому осуждает или принимает [нас]. Под моими словами необходимо подразумевать следующее: я имею помысел странноприимства, и имею его ради Господа³⁴, но этот помысел пресекается [другим], когда приходит искуситель и внушает [мысль] странноприимствовать ради славы. Но, с другой стороны, имею помысел страннолюбия для того, чтобы перед людьми казаться [гостеприимным], и этот помысел пресекается, когда его перехватывает лучший, направляющий добродетель нашу паче ко Господу и понуждающий

Абба Евагрий Понтийский

нас не ради людей творить такие [деяния]. Итак, если делами [своими] мы пребываем верными первым [помыслам], хотя и искушаемся вторыми, то будем иметь воздаяние за первый из водворенных помыслов, потому что, будучи людьми и находясь в состоянии борения с бесами, мы не в силах всегда сохранять первый помысел нетленным³⁵; но и наоборот, нельзя лукавому помыслу [в нас всегда] быть неискушаемым, поскольку мы стяжали семена добродетели³⁶. Впрочем, когда один из пресекающих помыслов задерживается, он занимает место помысла пресекаемого, — и тогда человек, побуждаемый этим [задержавшимся] помыслом, приступит к действию.

**Три вида помыслов:
помыслы ангельские,
человеческие
и бесовские**

Путем долгого наблюдения мы познали различие между помыслами ангельскими, человеческими и бесовскими³⁷; а именно: мы познали, что ангельские [помыслы] прежде всего усердно взыскуют естество вещей и отыскивают их духовные смыслы³⁸. Например, они взыскуют, ради чего создано золото и почему оно рассеяно в виде песка где-то в недрах земли, отыскиваемое здесь с большим усилием и трудом? Почему, найденное, оно промывается водой и предается огню, а потому уже попадает в руки мастеров, делающих из него для скинии светильник, кадильницу, возливальники и чашу (Исх. 25, 29, 31), из которых, по благодати Спасителя нашего, не пьет уже царь Вавилонский (Дан. 5, 1–30), но Клеопа, который приносит пылающее от этих

Абба Евагрий Понтийский

тайнств сердце (Лк. 24, 13–32)³⁹. Бесовский же помысел не ведает и не знает этого, но только лишь бесстыдно внушает [желание] обладать чувственным золотом, предсказывая, что [подобное обладание] принесет роскошь и [земную] славу. А человеческий помысел ни стяжания золота не ищет и не исследует, символом чего является оно, но только вносит в мысль простой образ золота, вне всякой связи со страстью корыстолюбия. То же самое рассуждение можно распространить и на другие вещи, тайнозрительно упражняя [ум свой] соответственно этому правилу⁴⁰.

О бесе-«скитальце»

Есть бес, называемый «скитальцем»⁴¹, который предстает перед братьями преимущественно под утро. Он водит ум из города в город, из селения в селение и из дома в дом; сначала устраиваются простые встречи, затем происходят беседы со знакомыми и, наконец, ведутся долгие разговоры. Вследствие таких [мнимых] встреч губится собственное [мирное] состояние [души подвижника]⁴², и он понемногу отходит от ведения Божиего и от добродетели, забывая [в конце концов] и об обете [своем]. Поэтому отшельнику необходимо внимательно наблюдать за этим бесом [и знать], откуда он приходит и куда уходит, потому что не наобум и не как придется совершает он этот большой круг⁴³, но поступает он так [намеренно], желая погубить [мирное] состояние [души] отшельника, дабы ум, распалившись подобными вещами и опьянев от таких встреч, сразу попал

Абба Еварий Понтийский

[в руки] или беса блуда, или беса гнева, или беса тоски, то есть тех бесов, которые более всего омрачают светлость состояния [души] отшельника. Однако если мы ставим перед собой цель ясно знать коварство этого беса, то нельзя сразу же обращаться к нему со словами [прекословия] и обнаруживать тем самым происходящее⁴⁴: как он устраивает встречи [с близкими людьми] в мысли [нашей] и как он понемногу загоняет ум [в сети] смерти. [Если он обнаружит это, то сразу же] убежит от нас, ибо не переносит того, чтобы [кто-нибудь] видел его деяния; а вследствие этого мы не узнаем того, что стремились узнать. Поэтому лучше позволим ему на второй или на третий день довести до конца свое действие⁴⁵, чтобы, точно разузнав о [всей] интриге его, обличить его [одним] словом и обратить в бегство. Но поскольку во время искушения ум [наш обычно] бывает замутненным⁴⁶ и не может ясно видеть происходящее, то после удаления беса тебе надо сделать следующее: сидя [в келлии своей]⁴⁷, вспомни о том, что произошло с тобой, откуда ты вышел и куда

О помыслах

дошел, на каком месте был схвачен духом блуда, или гнева, или тоски и каким образом все произошло. Изучи это и запечатлей в памяти, чтобы изобличить беса, когда он придет; укажи и скрываемое им место, — и ты уже больше не последуешь за ним. А если захочешь привести [этого беса] в бешенство, обнаружь, где он находится, а также словом обозначь первое место, в которое он вошел, а затем — второе и третье: тогда он придет в сильное негодование, не перенося позора⁴⁸. Доказательством того, что ты вовремя обратился к нему со [словом] обличения, будет бегство помысла от тебя, ибо он не может пребывать на месте, будучи [столь] явно обличаемым. За победой над этим бесом следуют: тягчайший сон, омертвление очей, сопровождаемое их сильным охлаждением, непомерная зевота, отягощение и оцепенение плеч — все это расторгнет Святой Дух благодаря усиленной молитве.

Совершенная ненависть к бесам

Ненависть к бесам весьма способствует нашему спасению и очень пригодна для свершения добродетелей. Однако мы не в силах питать ее в самих себе, словно благой зародыш, поскольку сластолюбивые духи умерщвляют ее и опять призывают душу к обычной дружбе [с бесами]. Впрочем, эту дружбу, или, вернее, трудноисцелимую гангрену, исцеляет Врач душ посредством богооставленности⁴⁹, попуская терпеть от этих бесов нечто ужасное и днем и ночью. И душа [благодаря этому] опять возвращается к первообразной ненависти, научаемая обращаться ко Господу со словами, сказанными Давидом: «Совершенною ненавистию возненавидех я, во враги быша ми» (Пс. 138, 22). Ведь совершенной ненавистью ненавидит врагов тот [человек], который не грешит не только делом, но и в мысли⁵⁰. А это есть признак великого и первого бесстрастия.

О бесе нечувствительности

Стоит ли что-нибудь говорить о бесе, делающем душу нечувствительной? Что касается меня, то я боюсь даже писать о нем, [то есть писать о том,] как душа во время прихода его удаляется от [мирного] своего состояния, совлекает с себя страх Божий и благоговение, грех не считает грехом, а беззаконие — беззаконием, вспоминает о наказании и вечном Суде только как о пустом слове и «ругает же ся трусу огненосному» (Иов. 41, 21). Конечно, [такая душа] исповедует Бога, но повелений Его не знает. Бьешь себя в грудь, когда она движется ко греху, но она [ничего] не чувствует; говоришь от Писаний, а она, целиком окаменев, [ничего] не слышит; представляешь ей поношение от людей, а она ни во что ставит срам перед братьями. [Вообще, такая душа ничего] не воспринимает, подобно свинье, которая, закрыв

Абба Евагрий Понтийский

глаза, ломает ограду свою⁵¹. Этого беса приводят [с собой] задержавшиеся [в душе] помыслы тщеславия; и о нем [сказано]: «Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф. 24, 22). [Таковой бес часто] бывает у тех, кто редко встречается с братьями, и причина этого очевидна, ибо при виде несчастий других, либо угнетаемых болезнями, либо попавших в тюрьму, либо пораженных внезапной смертью, этот бес пускается в бегство, поскольку душа, постепенно приходя в сокрушение и [преисполняясь] сочувствием, освобождается от окамененного бесчувствия, возникшего под влиянием беса. Впрочем, [зрелища подобных несчастий] мы лишены вследствие [нашего обитания] в пустыне и редкости [среди нас] немощных⁵². Изгонять именно этого беса особенно повелевает в Евангелиях Господь, предписывая навещать больных и посещать находящихся в темнице: «Был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 36). Кроме того, следует знать, что если кто-нибудь из отшельников,

О помыслах

попав [в руки] этого беса, не принял блудных помыслов или не оставил [своего] жилища вследствие уныния⁵³, это значит, что он принял нисшедшие [к нему] с небес целомудрие и терпение. Блажен он, [сподобившись] такого бесстрастия. Что же касается тех, которые, дав [иноческий] обет, предпочитают вместо [строгого] благочестия жить с мирскими [людьми], то пусть они остерегаются этого беса. А что до меня, то [при желании] говорить или писать об этом бесе что-нибудь еще меня охватывает стыд перед людьми.

О бесе печали

Все бесы научают душу [быть] сластолюбивой, и только один бес печали не позволяет ей этого делать; [более того,] он [даже] губит [порочные] помыслы тех, кто вступил [в пустыню], кто пресек всякое наслаждение своей души и иссушил его печалью⁵⁴, если действительно «мужу печальну засыплют кости» (Притч. 17, 22). И умеренно воюя с отшельником, он делает его искусным, убеждая его не приближаться ни к одному [из удовольствий] мира сего и избегать всякого наслаждения. Однако, укоренившись [в нас, этот бес] рождает помыслы, которые советуют душе убить саму себя⁵⁵ либо побуждают ее бежать подальше от места [своего подвижничества]⁵⁶. Это некогда помыслил и претерпел святой Иов, мучимый этим бесом: «Аще бы возможно было, сам бых себе убил, или молил бых иного, дабы ми то сотворил» (Иов. 30, 24). Символом этого беса является ехидна,

О помыслах

яд которой, даваемый человеку в умеренных дозах, уничтожает яды других зверей⁵⁷, а принятый в неумеренном количестве, губит само живое существо, [принявшее его]. Этому бесу [апостол] Павел предал коринфского беззаконника (1 Кор. 5, 1–5); поэтому он вскоре опять пишет к коринфянам: «Окажите ему любовь, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» (2 Кор. 2, 7–8)⁵⁸. Впрочем, [апостол] знал, что этот угнетающий людей дух [иногда] становится защитником благого покаяния. Поэтому святой Иоанн Креститель назвал ужаленных этим бесом и прибегающих к Богу «порождениями ехидны», говоря им: «Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния; и не думайте говорить в себе: “отец у нас Авраам”; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 7–9). Впрочем, всякий, кто, подражая Аврааму, изшел из земли своей и от рода своего (Быт. 12, 10), стал [тем самым] сильнее этого беса⁵⁹.

О стяжании кротости

Кто одолел ярость, тот одолел бесов, но кто стал рабом этой ярости, тот чужд монашеской жизни и непричастен путям Спасителя⁶⁰, поскольку Господь, как говорится, «научит кроткия путем Своим» (Пс. 24, 9). И потому́ ум отшельников становится трудноуловимым [для бесов], что он убегает на [широкую] равнину кротости. Ибо ни одна из добродетелей не является столь страшной для бесов, как кротость⁶¹. Именно ее стяжал тот великий Моисей, который назван кротким «паче всех человек» (Чис. 12, 3); и святой Давид назвал ее достойной памяти Божией, сказав: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его» (Пс. 131, 1); наконец, и Сам Спаситель повелел нам быть подражателями кротости Его: «Научитесь от Мене: ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 28)⁶². Однако если кто-нибудь, воздерживаясь от яств и напитков,

О помыслах

раздражает лукавыми помыслами яростное начало [своей души], то он подобен плывущему в открытом море кораблю, кормчим которого является бес. Поэтому необходимо внимательно следить, насколько возможно, за этим нашим псом⁶³ и обучать его тому, чтобы он уничтожал только волков, а овец не трогал, проявляя «всякую кротость ко всем человекам» (Тит. 3, 2).

О помысле тщеславия

Из помыслов только один помысел тщеславия многовещественен⁶⁴; он охватывает почти всю вселенную и открывает врата всем бесам, словно лукавый предатель некоего града. Особенно смиряет он ум отшельника, наполняя его многими словами и вещами, и разрушает его молитвы, которыми отшельник старается исцелить все язвы своей души. Этот помысел взращивают все вместе уже побежденные бесы⁶⁵; и с другой стороны, благодаря ему входят в души [людей] все [прочие] бесы, — и тогда они действительно делают «последнее хуже первого» (Мф. 12, 45). От этого помысла рождается помысел гордыни⁶⁶, низринувший с небес на землю «печать уподобления и венец доброты» (Иез. 28, 12)⁶⁷. «Но отскочи, не замедли на месте» (Притч. 9, 18)⁶⁸, чтобы не предать «иным живота» нашего и «жития» нашего

О помыслах

«немилостивым» (Притч. 5, 9)⁶⁹. Этого беса изгоняет усиленная молитва и добровольный отказ от того, чтобы что-либо делать или говорить для [стяжания] проклятой славы.

Начало бесстрастия и тщеславие

Когда ум отшельников достигает некоторого бесстрастия⁷⁰, то сразу же он приобретает коня тщеславия и скачет [на нем] по городам, упиваясь неумеренной похвалой [тщетной] славы. Тогда, по Домостроительству [Божиему], его встречает дух блуда и запирает в один из хлебов⁷¹. Так он научает ум не оставлять свой одр до полного выздоровления⁷² и не уподобляться тем беспутным больным, которые, еще нося остатки недуга в себе, пускаются в путешествия, позволяют себе несвоевременно посещать бани, а поэтому опять впадают в прежние болезни. А поэтому лучше будем, сидя [в келлиях своих], внимать самим себе⁷³, чтобы, преуспевая в добродетели, сделаться нам трудноподвижными к пороку, а обновляясь в ведении, воспринять множество разнообразных созерцаний⁷⁴ и, наконец, вознесшись горé в молитве, узреть нам яснейшим образом свет Спасителя⁷⁵.

О злоумышлениях бесов

Я не могу описывать все коварства бесов и стыжусь перечислять все злоумышления их, боясь [ввести в соблазн] наиболее простых из читателей⁷⁶. Впрочем, послушай о лукавстве беса блуда. Если кто-нибудь стяжает бесстрастие желательной части [души] и постыдные помыслы [уже достаточно] охладят [в нем], то тогда [бес] внедряет [в сердце образы] мужчин и женщин, занимающихся [срамными] игрищами друг с другом, и делает отшельника зрителем этих постыдных дел и [бесстыдного] поведения⁷⁷. Но это искушение не из числа долго задерживающихся [в душе], ибо усиленная молитва и весьма скудное питание, вместе с бдением и упражнением в духовных созерцаниях, рассеивают его словно «безводное облако» (Иуд. 12). Бывает, что [этот бес] касается плоти, насильно заставляя ее разжигаться неразумным огнем⁷⁸.

Абба Евагрий Понтийский

Этот лукавый изобретает и тысячи других [козней], которые нет необходимости делать известными и передавать в письменном виде. Весьма действенным в отношении таковых помыслов является кипение яростного начала [души], когда оно направлено против беса, — этой ярости он боится больше всего, если она возмущается против его помыслов и уничтожает умопредставления, [внушенные] им⁷⁹. Это и означают слова: «Гневайтесь, и не согрешайте» (Пс. 4, 5), которые являются полезным лекарством для души, применяемым при искушениях. Этому бесу подражает бес гнева, который выдумывает, что некоторые из родителей, друзей или сродников подвергаются оскорблениям от [людей] недостойных и [таким образом] возбуждают ярость отшельника, [заставляя его] либо произнести дурные слова мысленно представляемым [обидчикам], либо совершить [что-либо оскорбляющее их]. Поэтому необходимо быть внимательным к таким [вещам] и побыстрее избавлять от этих призраков ум, чтобы он не задерживался в них

О помыслах

во время молитвы и не стал «головней дымящейся» (Ис. 7, 4). Этим искушениям [особенно] подвержены [люди] раздражительные, легко склонные на гнев — они [обычно] бывают далеки от чистой молитвы и ведения Спасителя нашего Иисуса Христа.

О необходимости защищать добрые умопредставления

Умопредставления века сего Господь поручил человеку, как [поручают] овец доброму пастырю⁸⁰, ибо говорит: «Всякий век дал есть в сердце их» (Еккл. 3, 11)⁸¹; в помощь уму⁸² он присоединил к нему яростное и желательное [начала души], чтобы посредством первого он обращал в бегство умопредставления волков, а посредством второго он, часто настигаемый [сильными] дождями и [шквальными] ветрами, любил [своих] овец. К этому Господь присовокупил закон, как пасти овец, а также [даровал] «место злачно» и «воду покойну» (Пс. 22, 2), «псалтирь» и «гусли» (Пс. 56, 9; Пс. 107, 3), «жезл» и «палицу» (Пс. 22, 4), чтобы от этого стада он и питался, и одевался, и собирал «сено нагорное» (Притч. 27, 25). Ибо [апостол] говорит: «Кто, пася стадо, не ест молока от стада?» (1 Кор. 9, 7). Поэтому

О помыслах

отшельник должен ночью и днем стеречь это стадо, чтобы не оказалось ни одного из умопредставлений «растерзанного зверем» (Быт. 31, 39) или попавшего разбойникам (Лк. 10, 30). А если что-нибудь подобное случится [где-либо] в лесистом ущелье, то [следует] сразу же исторгать [похищенный помысел] из пасти льва и медведицы (1 Цар. 17, 34–37). Помышление о брате растерзывается зверем, если оно пасется в нас вместе с ненавистью; помышление о женщине растерзывается зверем, если оно вскармливается в нас вместе с постыдным вожделением; помышление о серебре и золоте [становится добычей зверей], если находится в загоне вместе с корыстолюбием; а помыслы о святых дарованиях [делаются их жертвой], если они щиплют траву [на пастбище] мысли вместе с тщеславием. То же самое происходит и с другими умопредставлениями, похищаемыми [разнообразными] страстями. Их должно стеречь не только днем, но неусыпно охранять также ночью, ибо бывает, что [человек,] предавшийся постыдным и лукавым мечтаниям,

Абба Евагрий Понтийский

губит свою собственность. Об этом и говорит [праотец наш] Иаков: овец «звероядины не принесох к тебе: аз воздаях тебе от мене самага татбины денняя и татбины нощняя: бых во дни жегом зноем, и студению в но-чи, и отхождаша сон от очию моею» (Быт. 31, 39–40). Если вследствие тяжкого труда⁸³ на нас нападает уныние, взберемся немного на скалу ведения, возьмем в руки псалтирь и ударим [плектром] добродетелей по струнам ведения⁸⁴. Тогда снова будем пасти овец под горой Синайской, чтобы Бог отцов наших и к нам воззвал из купины (Исх. 3, 1–6), даровав и нам [познание] смыслов знамений и чудес⁸⁵.

Два вида бесов

Из нечистых бесов одни искушают человека как человека, а другие приводят его в смятение как неразумное животное⁸⁶. Когда на нас нападают первые, они внедряют в нас мысли тщеславия, гордости, зависти и осуждения, которые не встречаются ни в одной из неразумных [тварей]; а когда приближаются вторые, то они приводят в противоестественное движение яростное или желательное [начала души], ибо эти страсти суть общие для нас и для неразумных животных, хотя у нас они скрываются под разумной природой. Поэтому тем [людям], которые впадают в [чисто] человеческие помыслы, Святой Дух речет: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете» (Пс. 81, 6–7). А что глаголет Он тем, которые приводятся в движение [вторыми бесами и поступают] неразумно? «Не будите яко конь и мекк, имже

Абба Евагриј Понтийскій

несть разума: броздами и уздою челюсти их востягниши, не приближающихся к тебе» (Пс. 31, 9). Если «душа же согрешающая, та умрет» (Иез. 18, 4 и 20), то ясно, что люди, умирающие яко человецы, людьми и погребены будут⁸⁷; те же, которые умирают как неразумные животные, становятся пищей неясытей и воронов: одни птенцы их призывают Господа (Пс. 146, 9), а другие — валяются в крови (Иов. 39, 30)⁸⁸. «Кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф. 11, 15).

Два способа борьбы против бесов

Когда какой-либо из врагов, приблизившись, готов нанести рану тебе, а ты желаешь, по написанному, обратить его меч в сердце его (Пс. 35, 15), тогда делай так, как мы говорим. В себе самом раздели помысел, внедренный им, [и исследуй,] каков он, из каких вещей образовался и что в этих вещах более всего угнетает ум⁸⁹. Мои слова означают следующее: пусть будет послан на тебя врагом помысел сребролюбия — раздели его [на составные части, то есть] на воспринявший помысел ум, на мысль о золоте, на само золото и на страсть сребролюбия. Потом задай [себе] вопрос: какая из этих [составных частей] является грехом? Является ли грехом ум, и каким образом? Ведь он есть образ Божий⁹⁰. Может быть, грех есть мысль о золоте? Но разве может подобное утверждать кто-нибудь из обладающих умом? Или же само золото есть

грех? Тогда почему оно сотворено? Стало быть, остается, что причиной греха является четвертое [из названных], которое не есть ни сущностным образом существующая вещь, ни мысль о вещи, ни бестелесный ум, но есть некое человеконенавистническое наслаждение, порождаемое свободным произволением [человека] и понуждающее ум злоупотреблять Божиими тварями — обрезать это наслаждение вверено закону Божию⁹¹. И когда ты [все это так] разберешь, то помысел погибнет, расчленяемый в его собственном созерцании⁹², а бесовское [наваждение] убежит прочь от тебя, так как мысль твоя вознесется горе благодаря этому ведению. Если же ты хочешь воспользоваться мечом врага, но желаешь прежде одолеть его с помощью пращи своей, то вынь камень из пастушеской сумки твоей (1 Цар. 17, 48–51)⁹³ и исследуй в созерцании следующее: почему Ангелы и бесы посещают наш мир, а мы не проникаем в их миры? Ибо мы не можем ни Ангелов сочетать теснее с Богом, ни желать бесов сделать более нечистыми⁹⁴. И почему «денница восходящая

О помыслах

заутра сокрушися на землю» (Ис. 14, 12)⁹⁵ и «мнит же море яко мироварницу и тартар бездны яко пленника: возжигает же бездну, якоже печь медную» (Иов. 41, 22–23)⁹⁶, всех возмущая своей злобою и желая начальствовать над всеми? Созерцание этих вещей весьма уязвляет беса и обращает в бегство все его полчище. Однако это случается только с теми [христианами], которые достигли некоторой степени чистоты и начали в какой-то мере видеть смыслы сотворенных [сущностей]. Нечистые же не знают о созерцании этих [вещей], и если даже они, узнав о них от других, стали бы повторять как заклинания [слова их], то все равно не будут услышаны вследствие обилия пыли и громкого шума, производимого страстями во время [духовной] брани. Ведь полчищу иноплеменников необходимо, разумеется, успокоиться, чтобы только один Голиаф вышел навстречу нашему Давиду. [Наконец, можно сказать, что] в отношении всех [прочих] помыслов следует пользоваться и таким различием, и таким видом [духовной] брани.

Два объяснения быстрой победы над помыслами

Когда некоторые из нечистых помыслов быстро обращаются в бегство, то нам необходимо исследовать причину этого. Почему это произошло? По редкости ли вещи, [желаемой нами]? Или потому, что трудно добыть вещество [для помысла]? А может быть, потому, что свойственное нам бесстрашие не позволяет врагу что-либо предпринять против нас? [Для примера рассмотрим такой случай:] если кто-нибудь из отшельников, будучи терзаем бесом, вообразит в уме, что ему вверено духовное руководство в первенствующем граде, то этот помысел не задержится долго в мечтающем, — и причина этого ясна из сказанного⁹⁷. Если же он, [вообразив себя предстоятелем] любого другого града, будет рассуждать подобным же образом [и останется невозмутимым], то удостоится

О помыслах

блаженства за свое бесстрашие⁹⁸. Подобным же образом может быть обретен и такой же способ исследования в отношении других помыслов. Это нам необходимо знать для того, чтобы, либо преисполнившись усердия и силы, перейти нам Иордан и быть вблизи «града Фиников» (Втор. 34, 3), либо, если мы останемся жить в пустыне, быть побитыми иноплеменниками⁹⁹.

**О том, что за бесом
сребролюбия следуют
бесы тщеславия
и гордыни**

Весьма разнообразным и изобретательным на обольщение кажется мне бес сребролюбия. Часто он, утесняемый крайним отречением [от мира], сразу прикидывается рачительным и нищелюбивым¹⁰⁰: он радушно принимает еще не появившихся странников и отправляет [инока] на служение к другим нуждающимся — посещает темницы города, выкупает продаваемых [пленников и рабов], прилепляется к богатым женщинам, показывает им, кому [из нуждающихся] следует благострадать, а также советует другим [из богачей], туго набившим кошелек, отречься [от мира]. И таким образом, постепенно обольщая душу, он опутывает ее помыслами сребролюбия и передает ее бесу тщеславия¹⁰¹. А тот приводит множество [людей],

О помыслах

прославляющих Господа за такие рачительные [слова и поступки подвижника]; некоторые [из них] мало-помалу заводят между собой разговоры о [его священстве]; затем [бес] предсказывает его кончину, как уже сущего во иереях, и присовокупляет, что ему не избежать [священства], даже если он приложит тысячу усилий для этого. Так многострадальный ум, заключенный в узы этих помыслов, вступает [в мысленную] брань с теми из людей, которые [якобы] не принимают [его избрания в священника], а охотно признавших [его он также мысленно] осыпает дарами и одобряет их за благоразумие; некоторых же возмутившихся [против него] предает судьям и требует изгнать их из города. Когда эти помыслы находятся уже внутри [ума] и вращаются [там], то сразу же предстает и бес гордыни, постоянно изображающий молнии в воздухе келлии, посылающий крылатых змиев¹⁰², и, наконец, он делает так, что [подвижник] лишается ума¹⁰³. Но мы, помолвившись о погибели этих помыслов, с благодарением будем жить вместе [с братией]

Абба Евагрий Понтийский

в бедности. «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6, 7–8), помня, что сказал [еще апостол] Павел: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6, 10).

**Разрушительные
следствия задерживания
злых помыслов
в душе**

Все нечистые помыслы, задерживаясь в нас по причине страстей, низводят ум «в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 9). Ибо как мысль о хлебе задерживается в голодном по причине голода и мысль о воде в жаждущем по причине жажды, так и мысли о деньгах и [многих] стяжаниях задерживаются [в человеке] вследствие корыстолюбия, а мысли о яствах и скверные помыслы, рождающиеся от яств, задерживаются [в нем] вследствие [соответствующих] страстей. Подобное же [соответствие] можно обнаружить, если [рассматривать] помыслы тщеславия, а также другие [сходные] мысли. И невозможно уму, удушаемому такими мыслями, предстать пред Богом и увенчаться «венцом правды» (2 Тим. 4, 8). Увлекаемый долу такими мыслями, трижды несчастный

Абба Еварий Понтийский

ум, [как сказано] в Евангелиях, отказался от трапезы Боговедения¹⁰⁴. Также и связанный по рукам и ногам и брошенный «во тьму внешнюю» имел одеяние, сотканное из тех же помыслов, которое Звавший признал недостойным подобных брачных пиров (Мф. 22, 11–13)¹⁰⁵, потому что брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отвергнувшей «мирские похоти» (Тит. 2, 12)¹⁰⁶. А о том, какова причина того, что задерживающиеся [в уме] мысли о чувственных вещах разрушают ведение, — об этом сказано в «Главах о молитве»¹⁰⁷.

Необходимые условия для жизни отшельнической

Пусть никто из отшельников не удаляется подвизаться в одиночестве с [чувством] гнева, скорби или гордости и пусть никто не убегает от братий, терзаемый подобными помыслами¹⁰⁸. Ибо вследствие таких страстей [с монахами] случаются и помешательства¹⁰⁹, когда сердце [переходит] от одной мысли к другой, затем — к третьей и четвертой и таким образом постепенно погружается в трясины забвения. Мы знаем многих братий, попавших в такое кораблекрушение, тогда как другие посредством слез и молитвы возвращались к жизни человеческой. Некоторые же, прияв необратимое забвение¹¹⁰, не имели более силы вернуться в [свое] первое состояние, и мы, несчастные, и до сего дня наблюдаем кораблекрушение наших братий. Это несчастье чаще всего случается по причине

Абба Евагрий Понтийский

помыслов гордыни¹¹¹. Когда кто-нибудь начинает отшельничать, имея такое состояние [души], то прежде всего он видит, как воздух келлии становится огненным, а ночью стены ее озаряются молниями; затем слышатся голоса [неких] преследователей и преследуемых, в воздухе запечатлеваются образы колесниц вместе с лошадьми, все жилище наполняется эфиопами¹¹², — увидев это, он приходит в смятение. И тогда [на монаха] нападает крайняя трусость, его охватывает помешательство, он делается надменным и от страха забывает о [своем] человеческом состоянии. Поэтому необходимо со многим смиренномудрием и кротостью предаваться отшельничеству, а душу такого [впавшего в прелесть инока] утешать духовными речами и обращаться к ней со словами святого Давида: «Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его, очищающего вся беззакония твоя, исцеляющего вся недуги твоя, избавляющего от истления живот твой, венчающего тя милостью и щедротами» (Пс. 102, 2–4). С такими и им подобными

О помыслах

словами следует обращаться к этой душе [и внимательно следить за ней], подобно тому как во время праздника мать постоянно следит за своим чадом, чтобы никто из злоумышленников не похитил его. Особенно следует усиленно молиться за такую душу, призывая ее ко Господу.

**О невозможности
восприятия сразу
двух помыслов**

Бесы не все сразу искушают нас и не в одно и то же время помыслы [их] набрасываются на нас, потому что [нашему] уму не присуще в одно и то же время воспринимать сразу представления о двух чувственных вещах¹¹³. Ибо мы уже говорили в семнадцатой главе о том, что никакой нечистый помысел не возникает в нас без чувственной вещи¹¹⁴. Если же наш ум, будучи весьма стремительным в [своем] движении¹¹⁵, сочетает помыслы друг с другом, то на основании этого не следует считать, что все [эти помыслы] возникли в одно и то же время. Ибо то же самое совершает и гончарный круг, когда он, в силу своего стремительного движения, соединяет вместе два камушка, до этого расположенные на противоположных концах его диаметра. Ты можешь вообразить в [уме] своем лицо отца

О помыслах

своего и проверить, останется ли оно, когда внутри тебя появится другое [воображаемое] лицо, или это другое лицо возникает только тогда, когда исчезает первое. Ибо если возможно в одно и то же время воспринимать [в уме] и представление о золоте, и представление об обидчике [своем], то это значит, что мы одновременно попадаем в руки и беса сребролюбия, и беса памятозлюбия, — а это уже относится к области невозможного, потому что, как я уже сказал, наш ум неспособен сразу воспринимать и представление об обидчике, и представление о золоте. А поэтому необходимо во время искушений пытаться перевести ум от [какого-либо] нечистого помысла к другому представлению, а затем и к третьему — и таким образом избежать [зоркого ока] того злого надсмотрщика¹¹⁶. Если ум, привязанный к [какой-нибудь] вещи, не перейдет [к другой], то он в таком случае становится погруженным в страсть и ему угрожает опасность быть на пути к тому, чтобы осуществить грех на деле. А такой ум действительно нуждается во многом очищении, бодрствовании и молитве.

**Представление
нашего собственного
тела и его роль
в возникновении
помыслов**

Те из людей, которые, опираясь на [действительно существующие] вещи, созерцают некий [смысл] в естествах¹¹⁷, и доказательства представляют на основе того, что они созерцали. Для меня же в подавляющем большинстве случаев доказательством является сердце [моего] читателя, особенно если оно понятно и обладает опытом монашеского жития¹¹⁸. А нынешнее рассуждение следует начать с того, каким образом [нашему] уму присуще воспринимать представления о чувственных вещах и быть запечатленным соответственно им посредством этого [земного] тела [нашего], служащего орудием [души]. Ибо каков внешний вид вещи, таков с необходимостью и образ ее, воспринимаемый умом¹¹⁹.

Отсюда и умопредставления о вещах называются [их] подобиями, поскольку они сохраняют тот же самый внешний вид, который в них. И подобно тому как ум воспринимает представления о всех чувственных вещах, так [он воспринимает и представление] о своем собственном орудии¹²⁰ за исключением лицезрения его, ибо ум не способен ни образовать в себе внешний вид [собственного тела], ни видеть его. А ведь посредством этого внешнего образа ум все совершает внутри себя, то есть мысленно судит и ходит, дает и получает. Он совершает и говорит все что захочет благодаря быстроте умопредставлений: иногда он [даже как бы] воспринимает образ своего собственного тела и протягивает руку, чтобы взять нечто от дающих, а иногда он отлагает этот образ, чтобы, облекшись во внешний вид ближнего, как бы собственными руками дарить что-либо. А без таких внешних образов ум, будучи нетелесным и лишенным всякого рода такого [материального] движения, не может что-либо совершить. Поэтому отшельнику следует хранить свой ум во время

Абба Евагриј Понтийскій

искушений, ибо когда появляется бес, ум сразу же воспринимает этот внешний вид своего собственного тела и [посредством него] вступает внутри [души] в брань с братом или совершает совокупление с женщиной. Такого [человека] Христос в Евангелиях назвал прелюбодеем, который прелюбодействует в сердце [своём] с женой ближнего (Мф. 5, 28)¹²¹. Без подобного внешнего образа ум никогда не может прелюбодействовать, будучи нетелесным, и без подобных умопредставлений он не способен приблизиться к какой-либо чувственной вещи; эти же умопредставления [уже] суть прегрешения¹²². Итак, внемли себе [и замечай], как ум, без лицемерия собственного тела, облачается во внешний вид [его], а также как он в мысли запечатлевает весь [облик] ближнего, до этого восприняв и увидев его целиком [в действительности]. Однако при искушениях это невозможно увидеть, то есть зреть, как [образ] возникает в мысли и здесь достигает своей полноты, если только Господь не запретит ветру и морю, не соделает великой тишины и не приведет

О помыслах

плывущего к той земле, к которой он поспешал (Мф. 8, 26). Поэтому отшельнику следует внимать самому себе, «да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония» (Втор. 15, 9), ибо во время искушений, когда появляется бес, ум [часто] воспринимает внешний вид собственного тела. Рассмотрение этого и побудило нас рассуждать о нечистом помысле. Ведь бесовский помысел есть несовершенный образ воспринимаемого чувствами человека, возникающий в мысли; с этим образом ум, приводимый в движение страстью, втайне говорит или совершает что-либо беззаконное, обращаясь к преемственной череде призраков, образуемых им [самим]¹²³.

О том, как обрести ведение различения

Если кто-нибудь из отшельников желает получить от Господа ведение различения¹²⁴, то пусть он прежде всего ревностно осуществляет те заповеди, которые он может осуществить, не пренебрегая ничем; и таким образом во время молитвы «да просит» ведения «у Бога, дающего всем просто и без упреков»; просит, «нимало не сомневаясь» и не бросаемый волнами неверия, — «и дается ему» (Иак. 1, 5–6). Ибо невозможно постигнуть ведение множества вещей тому, кто нерадеет о [вещах] уже познанных [и боится], что, совершив много прегрешений, он будет ответственен за еще большее количество грехов. И [наоборот], блажен тот, кто служит ведению, ибо подлинную опасность [для него] представляет неисполнение того, что оно предписывает, тогда как исполнение всего того, чему оно научает, доставляет

О помыслах

блаженство¹²⁵. Ибо ум, будучи страстным, кружится и становится неудержимым [в своем кружении], когда рассматривает вещества, производящие [различного вида] наслаждения. Он перестает блуждать, только став бесстрастным и встретившись с нетелесными [сущностями], которые исполняют его духовные желания¹²⁶. Но ведение нельзя стяжать, если не отречься первым, вторым и третьим отречением. Первое отречение есть добровольное оставление мирских вещей ради боговедения. Второе отречение есть отвержение порока, происходящее по благодати Спасителя нашего Христа и благодаря усердию [самого] человека. Третье отречение есть удаление от неведения тех [духовных вещей], которые являются людям соразмерно [их внутреннему] состоянию¹²⁷.

**Сны, происходящие
от смятения страстной
части души**

Вот каким образом отшельники искушаются днем бесами и впадают в различные помыслы; ночью же они сражаются с крылатыми аспидами, окружаются плотоядными зверями, вокруг них копошатся змеи, [а порой] их [беспощадно] сбрасывают с высоких гор¹²⁸. Бывает, что и когда они просыпаются, то [видят себя] окруженными теми же самыми зверями, а келлию свою — охваченной пламенем и покрытой дымом. И когда они отдаются таким мечтаниям и не страшатся их, то видят, как бесы тут же превращаются в женщин, непристойно жеманствующих и жаждущих предаться постыдным игрищам. Все это изобретают бесы, желая привести яростное и желательное [начала души] в смятение, чтобы [успешнее] была их брань с отшельниками. Ибо яростное [начало] становится

О помыслах

на следующий день более податливым на искушения, если оно приведено в смятение накануне ночью, а желательная [часть души легко] воспринимает блудные помыслы, взволнованная перед этим ночными видениями. [Бесы] навлекают на отшельников эти мечтания, которые, как я сказал, либо торят путь [искушениям] следующего дня, либо приводят в смятение отшельников предшествующей ночью, желая как можно сильнее унижить [их]¹²⁹. И под власть наводящих ужас видений попадают преимущественно те из братьев, которые в избытке насыщаются хлебом и водой¹³⁰. Поэтому отшельникам следует бодрствовать и молиться, «чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41), и всяким хранением блюсти [свое] сердце, успокаивая яростное [начало души] кротостью и [пением] псалмов¹³¹, а желательное [начало ее] иссушая жаждой и голодом. Этому ясно научает в Книге притч и мудрый Соломон: «Аще бо сядеши, безбоязнен будеши, аще же поспиши, сладостно поспиши; и не убоишия страха нашедшаго, ниже устремления

Абба Еварий Понтийский

нечестивых находящаго; Господь бо будет на всех путех твоих, и утвердит ногу твою, да не пополнешися. Не отрецйся благодворити требующему, егда имать рука твоя помогати. Не рцы: отшед возвратися, и завтра дам... не веси бо, что породит находящий день» (Притч. 3, 24–28)¹³².

**Сновидения,
порождаемые
тщеславием и печалью**

Когда бесы не могут ночью привести в смятение яростное и желательное [начала души], тогда они измышляют сновидения, порождаемые тщеславием, и низводят душу в трясину помыслов. В качестве примера этих бесовских сновидений можно привести следующее: часто кто-нибудь видит себя [во сне] либо распределяющим наказания бесам, либо исцеляющим какие-либо телесные недуги, либо [достойно] носящим облачение пастыря и пасущим [свое] небольшое [словесное] стадо¹³³. А проснувшись, он сразу начинает мечтать о том, как он будет рукоположен в иереи, — и о таких вещах и им подобных [отшельник порой] размышляет весь день. Или же [он мечтает о том, что ему] будет дан дар исцелений, затем он прозревает заранее чудеса, [творимые им, и радостных]

Абба Евагрий Понтийский

исцеленных, почести от братьев и приношения от внешних, которые приходят к нему как из Египта, так и из зарубежных краев, привлекаемые [его] славой¹³⁴. А часто [бесы] ввергают отшельников в неудержимую печаль, являя им некоторых из сродников [тяжко] больными и подвергающимися опасностям либо на земле, либо на море. Бывает так, что [бесы] и самим братьям предсказывают кораблекрушения в их монашеской жизни, обрушивают вниз их, взошедших на самые высокие ступени лестницы¹³⁵, и, делая их вновь слепыми, заставляют их ощупывать стены. И бесчисленным множеством других [призраков] они морочат голову: шумами ветров (которые, когда дуют все вместе, служат [знаками] прибытия бесов), голосами диких зверей или [словами] неких повествований, чтобы те, кому они рассказываются, пропустили [надлежащие] часы богослужений¹³⁶. На этих [бесов] не следует обращать внимания, но с трезвенным разумением изобличать их, производящих такие [призраки], чтобы ввести души в прелесть и обман. Ангельские

О помыслах

же сны совсем не такие¹³⁷: они даруют душе ясный покой, неизреченную радость, лишают ее в течение дня страстных помыслов, [приносят] чистую молитву, тихо [обнаруживают] смыслы тварных [вещей], которые являются [Самим] Господом¹³⁸, и открывают Премудрость Господню.

**О том,
что сны позволяют
определить состояние
души**

Если кто-либо из отшельников не станет поддаваться смятению при устрашающих призраках и блудных видениях, случающихся во сне, но, наоборот, разгневется на [бесов], бесстыдно приближающихся к нему [в виде женщин], начнет бить их; или даже прикасаясь к их телам, как [прикасается врач] во время лечения (ибо бесы показывают [женщин] и подобным образом), не будет нисколько воспаляться, но станет увещевать некоторых из них быть целомудренными, — то [можно сказать, что] подлинно блажен он, стяжавший такое бесстрашие. Ведь душа, с [помощью] Божией успешно осуществляющая [здесь духовное] делание, когда она освобождается от [страстей греховного] тела, то оказывается в тех

О помыслах

местах ведения, в которых упокоивают ее крылья бесстрастия¹³⁹; отсюда она, получив крылья того Святого Голубя¹⁴⁰, в созерцании распространится на все века и «почиет» (Пс. 57, 4) в ведении Святой Троицы¹⁴¹.

**Помыслы,
препятствующие
благим делам
и извращающие их¹⁴²**

[Духовным оком можно] рассмотреть, что одни из нечистых помыслов следуют по [самому] пути добродетели, а другие идут близ этого пути. Те [помыслы], которые препятствуют осуществлению заповедей Божиих, пребывают близ пути; наоборот, те [помыслы], которые не только не убеждают отказаться от осуществления этих заповедей, но внушают [их ревностно исполнять], а когда они исполнены, побуждают [нас] хвастаться перед людьми, — эти вот помыслы, как можно наблюдать, находятся на [самом] пути, [стараясь] погубить либо цель нашу, либо должный способ осуществления [той или иной] заповеди. Вследствие этого творящему заповедь необходимо творить ее ради Господа и радостно, ибо сказано: «Благотвори

О помыслах

с радушием» (Рим. 12, 8). Ибо какая польза мне, если я совлеку с себя помысел корыстолюбия посредством благодеяния и помысел чревоугодия посредством воздержания, но [вместо них] облекусь в помысел тщеславия или ропота?¹⁴³ Во всяком случае, я буду убежден в том, что во время молитвы под воздействием этих помыслов со мной случается то же самое, что и под воздействием первых, — отпадение от света, который своим сиянием окружает ум во время молитвы. Об этих помыслах и блаженный Давид пишет: «На пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне» (Пс. 141, 4); и еще: «Ужы препяша сеть ногама моима. При стези соблазны положиша ми» (Пс. 139, 5–6). Ведь *при*, как кажется мне, означает *вблизи стези*¹⁴⁴.

**Различные виды
помыслов и их
противоположности¹⁴⁵**

Бесовскому помыслу противостоят три помысла, пресекающие его, когда он задерживается в сознании: ангельский помысел, помысел, [возникающий] из нашего произволения, тяготеющего к лучшему, а также помысел, рожденный человеческим естеством, побуждаемые которым и язычники любят собственных чад и почитают своих родителей¹⁴⁶. А благому помыслу противостоят только два помысла: бесовский помысел и помысел, [возникающий] из нашего произволения, уклоняющегося к худшему¹⁴⁷. Никакой лукавый помысел не исходит из [нашего первозданного] естества, ибо изначально мы не были созданы лукавыми, если, конечно, верно, что Господь посеял «доброе семя на поле Своем» (Мф. 13, 24). Ведь не обязательно, чтобы мы, будучи способны воспринимать

О помыслах

что-либо, обладали и силой этого; так, например, мы способны не быть, но не обладаем силой небытия, поскольку силы суть качества, а небытие не обладает качеством¹⁴⁸. Ибо было время, когда порок не существовал, и будет время, когда он перестанет существовать, <но не было времени, когда добродетель не существовала, и не будет времени, когда она перестанет существовать>, так как семена добродетели неизгладимы. В этом меня убеждает тот евангельский богач, который, будучи подвергнут суду во аде, сжалился над [своими] братьями (Мк. 16, 19–31). Ведь жалость есть самое доброе семя добродетели¹⁴⁹.

**О том, что следует
быть внимательным
и укрощать яростное
начало души**

Если кто-нибудь желает добиться чистой молитвы и преподнести Богу ум без [лукавых] помыслов, то он должен властвовать над яростным началом [души] и внимательно следить за помыслами, порожденными этим началом, то есть за помыслами, случающимися [с нами] вследствие подозрительности, ненависти и памятозлобия, которые особенно ослепляют ум и уничтожают его небесное состояние¹⁵⁰. Относительно этого же нас увещевает и святой [апостол] Павел, говоря, что следует воздевать «чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2, 8). Однако дурные привычки¹⁵¹ [часто] преследуют отрекшихся [от мира]: они часто судятся и ссорятся с родственниками из-за имущества и владений, которые они, [по иному]

обычаю,] должны были бы раздать бедным. Таковые люди, по нашему разумению, становятся игрушкой в руках бесов и для самих себя делают еще более тесным путь монашеского жития, разжигая в себе гнев из-за [тленного] имущества и в то же время стараясь потушить этот гнев с помощью того же имущества. Это подобно тому, как если бы кто-нибудь пытался [острой] булавкой наложить мазь на [больные] очи свои¹⁵². Господь заповедовал нам продать имение свое и раздать нищим (Мф. 19, 21), но делать это без ссоры и тяжбы. Ибо «рабу Господа не должно ссориться» (2 Тим. 2, 24), но тому, кто захочет судиться [с ним] из-за рубашки, отдать и верхнюю одежду (Мф. 5, 40), а ударяющему в правую щеку подставить и другую (Мф. 5, 39). И вообще, нужно стараться оставлять имущество не так, как оставляет завладевший им [якобы навсегда], но так, чтобы в час смертный не впасть в помыслы памятозлобия, если [верно говорит] мудрый Соломон, что «путие же злопомнящих в смерть» (Притч. 12, 28). Всякий же

Абба Евагрий Понтийский

[человек], владеющий [преизобильным богатством] и имуществом, должен знать, что он похитил пищу и одежду у слепых, хромых и прокаженных, а [поэтому] должен дать ответ Господу в день [Страшного] Суда.

**Действия бесов
в отношении тех,
кто предается
душеполезному
чтению**

Среди нечистых бесов есть некоторые, которые всегда сидят подле читающих и пытаются похитить их ум, часто в качестве поводов для этого беря сами Священные Писания и завершая [свое дело ввержением подвижников] в лукавые помыслы¹⁵³. Бывает, что они принуждают [инока], вопреки [его] обыкновению, впадать в зевоту и наводят [на него] тяжкий сон — сон совсем иного рода, чем обычные сны¹⁵⁴. Так как некоторые из братьев воображают, что [это происходит] вследствие необъяснимого естественного сопротивления [организма]¹⁵⁵, то я, часто наблюдая и изучая [такое явление, могу сказать следующее: бесы] прикасаются к ресницам и всей голове, охлаждая ее собственным

Абба Евагрий Понтийский

телом, ибо тела бесов весьма холодны и очень схожи со льдом¹⁵⁶. А поэтому мы чувствуем, что [наша] голова как бы со свистом всасывается [некоей большой] банкой. Они это делают для того, чтобы притянуть к себе теплоту, содержащуюся в черепе, и заставить ресницы, ослабленные влагой и холодом, соскользнуть и закрыть зрачки глаз. Часто я замечал, что они, прикоснувшись, словно льдом сковывают [мои] ресницы и делают мертвым все [мое] зрение, заставляя содрогаться [меня, словно в смертной агонии]. Ведь естественному сну присуще согреть тела и освежать зрение у [людей] здоровых, как это можно видеть на самом опыте. Бесы же производят противоестественную и продолжительную зевоту, во время которой они, [как бы] сузив себя, [проникают] в рот зевающих и касаются внутренней полости его. Сам я до сего дня не понимал этого, хотя часто и страдал [от подобной зевоты], но услышал об этом от святого Макария¹⁵⁷, который в качестве доказательства приводил мне то обстоятельство, что зевающие [иноки

О помыслах

обычно] запечатлевают уста свои [крестным знаменем], согласно древнему и священному преданию. Это случается с нами потому, что мы не бдим и не бываем внимательны во время чтения и не помним о том, что читаем святые слова Живого Бога.

О преемственной чреде бесов

Поскольку бывают преемственные чередования бесов, когда первый из них изнемогает в брани и больше не может приводить в движение любезную ему страсть, то мы, наблюдая [за этими чередованиями], обнаружили следующее: когда помыслы какой-либо страсти становятся редкими на протяжении длительного времени, а кипение и движение этой страсти делаются неожиданными, поскольку мы не даем ей оснований [проявляться] через наше нерадение, тогда мы познаем, что наследие первого беса принимает другой, более опасный, который занимает место бежавшего и заполняет его своим собственным лукавством¹⁵⁸. Он полностью понимает нашу душу и, по сравнению с обычным, более рьян на брань с ней; сразу же он делает вылазку с помощью вчерашних и позавчерашних помыслов, хотя, [как кажется,] и нет никакого внешнего

О помыслах

повода для вторжения. Ум, видя это, пусть прибегает ко Господу и, приняв «шлем спасения» (Еф. 6, 17), «облекшись в броню праведности» (Еф. 6, 14), вытащив «меч духовный» (Еф. 6, 17) и подняв «щит веры» (Еф. 6, 16), пусть говорит со слезами, вознеся очи горе, к собственному небу¹⁵⁹: «Господи Христе, “сило спасения моего” (Пс. 139, 8), “приклони ко мне ухо Твое, ускори изъяти мя, буди ми в Бога Защитителя и в место прибежища, еже спасти мя” (Пс. 30, 3)»¹⁶⁰. Пусть Он сделает меч [твой] блестящим, очистив его постами и бдениями, ибо в течение целых семи дней [бес] будет вести брань [с тобой] и угнетать [тебя], метая «раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6, 16). А после седьмого дня [обычно] познается, что этот бес мало чем отличается от своего предшественника, хотя он и остается [вблизи нас] еще на протяжении целого года, чаще бывая уязвляем, чем сам уязвляя, до тех пор, пока не придет его преемник, согласно сказанному Иовом: «Во время бо определеное уготован бысть пасти от иных, дома же его опустошены быти беззаконными» (Иов. 12, 5).

**Искушение,
порождаемое
чрезмерным
подвижничеством**

Когда после многих и частых борений бесчевоугодия не в силах уничтожить [крепко] запечатленного [в душе] воздержания, тогда он ввергает ум в желание высшего подвижничества¹⁶¹, а [в качестве примера] приводят Даниила со товарищи, их скудную жизнь и семена, [которыми] они питались (Дан. 1, 11–12)¹⁶². Напоминает он и о некоторых других отшельниках, всегда живших так [скудно] или начавших [это делать недавно], и принуждает стать их подражателем, чтобы [инок], погнавшись за неумеренным воздержанием, потерпел неудачу и в воздержании соразмерном, так как тело, вследствие своей немощи, не выдержит и [такого]¹⁶³. [Этот бес] «усты своими благословяху и сердцем свои кляняху» (Пс. 61, 5). И я считаю, что

[монаху] нельзя поддаваться убеждениям этого беса и воздерживаться от [употребления] хлеба, масла и воды¹⁶⁴. [Основываясь] на опыте братьев, [можно посоветовать] самый лучший образ питания: [есть следует] не до сытости и один раз в день¹⁶⁵. Я удивлюсь, если [увиджу], что насыщающийся досыта хлебом и водой будет увенчан венком бесстрастия¹⁶⁶. А бесстрастием я называю не то, что препятствует греху осуществиться на деле (ибо это именуется воздержанием), но то, что пресекает страстные помыслы в [самом] сознании, — это [апостол] Павел назвал духовным обрезанием внутреннего Иудея (Рим. 2, 29)¹⁶⁷. Если же кто-нибудь, услышав подобные слова, упадет духом, то пусть он вспомнит «избранный сосуд» (Деян. 9, 15), апостола, «в голоде и жажде» (2 Кор. 11, 27) свершившего свой путь. [Далее, следует еще отметить, что] названному бесу [чревоугодия] подражает и бес уныния: терпеливому [подвижнику] он внушает [мысль] о самом высшем отшельничестве, призывая его соревноваться с Иоанном Крестителем

Абба Евагрий Понтийский

и начатком отшельников — Антонием, чтобы он, не сумев перенести долгого и бесчеловечного уединения, бежал бы со стыдом и оставил свое место. Тогда бы [бес уныния], похваляясь, мог бы сказать: «Укрепихся на него» (Пс. 12, 5)¹⁶⁸.

Вещество помыслов

Для своего возрастания нечистые помыслы воспринимают многие вещества и простираются на многие вещи, ибо по великой горячности страсти пересекают мысленно обширное пространство морей, не отказываясь совершать дальние путешествия. [Следует отметить,] что те помыслы, которые в какой-то мере уже очищены, бывают более ограничены, чем эти нечистые, и не могут простираться на многие вещи вследствие немощи страсти, [поддерживающей их.] Поэтому они скорее вовлекаются в противоестественное движение и, согласно мудрому Соломону, «время бо некое вне глумятся» (Притч. 7, 12)¹⁶⁹ и собирая тростник для незаконного изготовления кирпичей, не получая уже более соломы (Исх. 5, 7–12)¹⁷⁰. Поэтому следует всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23)¹⁷¹, дабы было спасено оно «аки серна от тенет,

Абба Еварий Понтийский

и яко птица от сетей» (Притч. 6, 5)¹⁷². Ибо легче очистить нечистую душу, чем опять возвратить к здравью уже очистившуюся и снова уязвленную [грехом], — бес печали не позволяет [этого делать]. Постоянно прыгая перед зеницами очей, он [непрестанно] представляет во время молитвы призрак [совершенного] греха¹⁷³.

**О бесах-
«сердцеведцах»**

Бесы не знают сердца нашего (хотя некоторые из людей и придерживаются противоположного мнения), потому что [есть] только один Господь-Сердцеведец (Деян. 1, 24 и 15, 8), Который «сведый ум человекъ» (Иов. 7, 20) и «создавый наедіне сердца их» (Пс. 32, 15)¹⁷⁴. Но они познают многие из тех умопредставлений, которые находятся в сердце, по произнесенным словам и определенным телесным движениям. Я хотел ныне разъяснить это, но меня удержал наш святой иерей¹⁷⁵, сказав, что подобные вещи не следует обнародовать и делать доступными для слуха непосвященных, поскольку, по его словам, совокупившийся с [женой, пребывающей] в нечистоте, становится по закону виновным (Лев. 15, 19–24). Впрочем, [все же можно утверждать,] что исходя из таких [внешних] признаков [бесы] познают

Абба Евагриј Понтийскій

сокровенные в сердце [тайны человеческие] и берут это [познание] за основу [своей брани] против нас. Часто мы, начав обличать злословящих, сами не относимся к ним с любовью, а поэтому попадаем в руки беса памятозлобия и сразу же воспринимаем [от него] лукавые помыслы против [наших обидчиков], о которых мы прежде и не ведали. Поэтому Святой Дух правильно обвиняет нас: «Седя, на брата твоего клеветал еси и на сына матери твоея полагал еси соблазн» (Пс. 49, 20). [Ведь тем самым мы] отворяем дверь помыслам памятозлобия, приводя ум в смятение во время молитвы и всегда представляя лицо врага своего, даже боготворя его¹⁷⁶. Ибо то, что целиком занимает ум во время молитвы, это и достойно признания быть богом¹⁷⁷. Но избежим, братия, болезни злословия, не будем никогда ни о ком вспоминать худо и при воспоминании о ближнем не будем отвращать взора, ибо лукавые бесы исследуют все наши жесты¹⁷⁸ и не оставляют неисследованными ничего из того, что касается нас: ни как мы лежим, ни как сидим, ни

О помыслах

как стоим, ни как говорим, ни как идем, ни как глядим — все внимательно они исследуют, все употребляют в дело¹⁷⁹ и весь день размышляют о коварных злоумышлениях против нас, чтобы во время молитвы ошельмовать¹⁸⁰ смиренный ум и погасить его блаженный свет¹⁸¹. Смотри, что говорит святой Павел Титу: «[Показавый] в учительстве чистоту... неповрежденность, слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого» (Тит. 2, 7–8). А блаженный Давид и молится, говоря так: «Избави мя от клеветы человеческой» (Пс. 118, 134), — называя здесь «человеками» бесов вследствие разумности их природы¹⁸². И Спаситель [наш] в Евангелиях назвал «человеком» врага, посеявшего в нас [между пшеницей добродетели] плевелы порока (Мф. 13, 25)¹⁸³.

Два вида смерти и воскресения

Разумное естество, умерщвленное пороком, воскрешает Христос через созерцание всех веков. А Отец Его воскрешает душу умерших смертью Христовой через ее ведение самой себя¹⁸⁴. Об этом и говорят слова апостола: «Если же умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним» (Рим. 6, 8).

Видение «места Божиего»

Когда ум, совлекшись ветхого человека, облечется в благодатного человека (Кол. 3, 9–10), тогда увидит он во время молитвы состояние свое, сходное с сапфиром или небесным цветом, — это состояние Писание называет «местом Божии», и его зрели [некогда] старцы на горе Синай (Исх. 24, 10–11)¹⁸⁵.

Отрешение ума от чувственных вещей

Ум не увидит места Божиего в самом себе, если он не окажется превыше всех умопредставлений, связанных с [чувственными] вещами; а он не окажется превыше их, если не совлечет с себя страсти, которые сковывают его посредством умопредставлений о чувственных вещах. Страсти же ум отложит с помощью добродетелей, а простые помыслы¹⁸⁶ — с помощью духовного созерцания; а это [созерцание] он отложит тогда, когда во время молитвы его озарит тот Свет, который запечатлевает [собой] то место Божие¹⁸⁷.

**Умопредставления, которые
запечатлевают наш ум,
и умопредставления, которые
не запечатлевают его**

Из умопредставлений одни накладывают свое впечатление на наше владычественное начало и придают ему [определенную] форму, а другие нет, сообщая ему только ведение. Ибо, [например, слова]: «В начале было Слово, и Слово было у Бога» (Ин. 1, 1) [только] влагают в сердце некую мысль, но не оставляют в нем своего впечатления и не формируют его. А [слова] «Взял хлеб» (Мф. 26, 26) формируют ум, так же, как и [слово] «преломил» (Там же) оставляет впечатление на нем. Подобным же образом оставляет впечатление [и фраза]: «Видех Господа сядяща на престоле висоце и превознесенне» (Исх. 6, 1) за исключением [слов] «видех Господа», поскольку, как кажется, само это изречение оставляет впечатление в уме,

Абба Евагрий Понтийский

а то, что оно обозначает, — нет. Ибо [Исаия] пророческим оком видел, [как] разумное естество, вознесенное горе посредством [духовного] делания, восприняло в себя ведение Бога. Ведь говорится, что Бог восседает там, где Он познается. Потому и чистый ум называется «престолом Божиим»¹⁸⁸. А «престолом бесчестия» называется «жена» (то есть душа), ненавидящая правду (Притч. 11, 16). Поэтому мысль о Боге не может быть причислена к тем умопредставлениям, которые оставляют свое впечатление в уме, но ее следует причислить к тем умопредставлениям, которые не оставляют это впечатление. И молящийся должен всячески отстраняться от умопредставлений, оставляющих свое впечатление в уме¹⁸⁹. Тебе следует исследовать следующее: одинаково ли дело обстоит [в этом случае] с [вещами] телесными и их смыслами, как с [сущностями] нетелесными и их смыслами? Или же [можно поставить вопрос по-другому]: иначе ли будет запечатлеваться ум, видящий [другой] ум, и иначе ли он будет расположен, созерцая

О помыслах

смысл этого другого ума?¹⁹⁰ Отсюда мы познаем, как духовное ведение удаляет ум от тех умопредставлений, которые оставляют в нем свои отпечатления, и представляет его Богу незапечатленным, потому что мысль о Боге не принадлежит к числу умопредставлений, запечатлевающих ум (ведь Бог не является телом), но она относится к тем умопредставлениям, которые не оставляют своих отпечатлений в уме. Кроме того, из умопредставлений, которые запечатлевают ум, одни обозначают сущность нетелесных [вещей], а другие — их смыслы. [Следует еще отметить, что] не одинаковым образом дело обстоит с телесными [вещами] и с нетелесными сущностями. Ведь что касается телесных [вещей], то одни [умопредставления о них] оставляют отпечатления в уме, а другие — нет; а ни одна из двух мыслей [о нетелесных вещах] не запечатлевает ум¹⁹¹.

Очи души

Бесовские помыслы ослепляют славное око души, устремляющееся к созерцанию существ¹⁹². Умопредставления, запечатлевающие наше владычественное начало и придающие ему [определенную] форму, делают мутным правое око [души], которое во время молитвы созерцает блаженный свет Святой Троицы¹⁹³. Этим [единым] оком привлекла невеста сердце Самого Жениха в Песни песней¹⁹⁴.

Заключение

Ты, горячо жаждущий чистой молитвы, внимательно следи за яростным началом [своей души] и, любя целомудрие, владычествуй над чревом¹⁹⁵. Не питай свое чрево хлебом до сытости и стесняй его [в его желании насытиться] водой. Пусть слова Святого Духа [никогда] не оставляют тебя, а руками добродетелей [ты должен всегда] стучать в дверь [Священного] Писания¹⁹⁶. Тогда взойдет для тебя, [словно солнце,] бесстрашие сердца, и во [время] молитвы ты увидишь ум свой подобным звезде.

Комментарии

- ¹ «Делание» (ἡ *πρακτική*), согласно учению Евагрия, является основным этапом духовного преуспеяния. По его словам, «христианство есть учение (δόγμα) Спасителя нашего Иисуса Христа, состоящее из деятельного, естественного и богословского [любомудрия] (ἐκ *πρακτικῆς καὶ φυσικῆς καὶ θεολογικῆς συνεστός*)» (Творения аввы Евагрия: Аскетические и богословские трактаты // Пер., вст. статья и коммент. А. И. Сидорова. М., 1994. С. 96). Две последние стадии этого преуспеяния (естественное и богословское любомудрие) объединяются часто в один высший этап — умозрение (ἡ *γνωστική*); причем оба этапа неразрывно соединены друг с другом. «Практика» в основном заключается в осуществлении добродетелей и аскезе. См.: *Évagre le Pontique. Traité pratique ou le Moine. T. I / Ed. par A. Guillaumont et C. Guillaumont // Sources chrétiennes. № 170. Paris, 1970. P. 38–63.* «Делание» обычно понимается у Евагрия как «путь» («путь добродетелей» и т. д.), предполагающий подражание Христу. См.: *Bunge G. Evagrios Pontikos. Praktikos oder der Mönch. Köln, 1989. S. 28–36.* Естественно, что, согласно Евагрию, на

Комментарии

каждом этапе не прекращается духовная брань, а отсюда предполагается, что различные «отряды» супротивных сил на каждом этапе действуют по-разному. Поэтому он говорит, что среди бесов одни противостоят деланию заповедей, другие — постижению смыслов («логосов») природы, а третьи — постижению смыслов («логосов»), относящихся к Божеству. См.: *Les six centuries des «Kephalaia gnostica» d'Évagre le Pontique* / Ed. par A. Guillaumont // *Patrologia orientalis*. Т. XXVIII, fasc. 1. Paris, 1958. P. 21.

- ² Здесь речь идет об «укоризненной» печали или скорби (*λυπή*). Ср.: «Избегающий мирских наслаждений есть непрístupная твердыня для беса печали. Ибо печаль есть лишение наслаждения, настоящего или ожидаемого. Поэтому мы не сможем отразить этого врага, если имеем пристрастие к чему-либо земному. Ведь он ставит [свои] западни и вызывает [в нас] печаль там, где видит нас наиболее склонными [к чему-либо]» (Творения аввы Евагрия. С. 99). Тот же Евагрий говорит: «Зазорная (*ψεκτή*) печаль есть печаль, возникающая из лишенности тленного наслаждения; печаль же похвальная (*ἐπιανετή*) есть печаль, возникающая от лишенности добродетелей и ведения Божиего» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes* / Ed. par P. Gehin // *Sources chrétiennes*. № 340. Paris, 1987. P. 404).

Комментарии

- ³ Термин *πρωτοστάτης* обозначал офицера, стоящего впереди своего подразделения; здесь же, скорее всего, Евагрий подразумевает бесов-«застрельщиков», начинающих духовную брань и идущих как бы «в первых рядах» демонской рати. Интересно, что св. Исидор Пелусиот обозначает им диавола, как бывшего «предстоятеля» («главу, руководителя») Ангелов: «Чинами ангельскими и ликом апостолов судятся человеческие преднамерения, потому что от первых отлучен их предстоятель, а от последних — предатель» (Творения святого Исидора Пелусиота. Ч. I. М., 1859. С. 166–167).
- ⁴ См.: Мф. 4, 1–10. В двух посланиях Евагрия также говорится о том, что искушения Господа связаны с попыткой лукавого внушить ему страсти чревоугодия, сребролюбия и славолюбия. См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste. Eingeleitet, übersetzt und kommentiert von G. Bunge. Trier, 1986. S. 218, 253.* Ср. у св. Иринея: Господь «научил нас, освобожденных, принимать, когда чувствуем голод, даваемую Богом пищу; когда же мы поставлены на высоте всякого дарования, мы отнюдь не должны — полагаясь на дела правды или украшенные высшею степенью служения — превозноситься и искушать Бога, но во всем смиренномудрствовать и всегда иметь в виду (слова) “не искушай

Комментарии

Господа Бога твоего”, как и апостол учит, говоря: “не высокоумствуйте, но последуйте смиренным”; (мы не должны) увлекаться ни богатством, ни славою мирскою, ни настоящим призраком, но знать, что должно “поклоняться Господу Богу твоему и Ему одному служить” и не доверяться тому, кто лживо обещал не свое, говоря: “...все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне”. Сам он признается, что поклоняться ему и исполнять волю его значит отпасть от славы Божией» (*Св. Ирины Лионский*. Творения. М., 1996. С. 493).

- 5 Трех названным помыслам или страстям всегда уделялось особое место в святоотеческой аскетике. См., например: «Себялюбие... является причиной всех страстных помыслов. От него рождаются три главнейших помысла: помысел чревоугодия, помысел сребролюбия и помысел тщеславия. От чревоугодия же рождается помысел блуда, от сребролюбия — помысле любостяжания, от тщеславия — помысел гордыни. Все остальные следуют за каким-либо из трех: помыслы гнева, печали, памятозлюбия, уныния, зависти, злословия и прочие. Эти страсти связывают ум с материальными вещами и удерживают его на земле, придавливая его к ней, словно тяжелый камень, хотя по природе ум легче и стремительней огня» (Творения

Комментарии

преподобного Максима Исповедника: В 2 кн. Кн. I. М., 1993. С. 128). Ср. также: «Существует восемь начальствующих страстей; три великие: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие — и пять следующих за ними: блуд, гнев, печаль, леность и гордость» (*Преподобный Григорий Синаит. Творения / Пер. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. С. 40).*

⁶ Данное выражение (*ὁ νοῦς κινούμενος ὑπὸ τοῦ ἀνθρώπου*) предполагает, скорее всего, что ум подчиняется волевому началу в человеке.

⁷ Выделение в душе трех начал (разумного, яростного и желательного) было известно еще Платону и стало как бы «общим достоянием» античной антропологии. Из этого «общего достояния» данная схема была воспринята и древнецерковным богословием, которое творчески переработало ее. По поводу естественного движения этих трех начал ср. одно рассуждение Евагрия: «Разумная душа действует в соответствии с природой, когда желательная часть ее устремляется к добродетели, яростная же часть сражается за эту добродетель, а разумная часть обращается к созерцанию тварных вещей» (Творения аввы Евагрия. С. 109).

⁸ Это выражение (*μοιχεύει καὶ μάχεται*) показывает, что беспорядочное движение неразумных частей души (яростной и желательной) приводит

Комментарии

в смятение и часть разумную, которая по природе призвана владычествовать. Соответственно, это отражается и на соотношении духовного и телесного начал в человеке. Подобная смятенность всей души характеризует состояние человека после грехопадения, которое определяется «полнейшей беспорядочностью в отношении этих составных частей человека, и каждая из них, то есть тело и душа, заявляя свои потребности, заявляет их как самостоятельные и притом враждебные друг другу. Человек, добровольно уклонившийся от истинной своей жизни по закону ума к жизни по закону самоволия и плоти, придал неестественное и недолжное значение плотским стремлениям, и они оказывают противодействие его стремлению и желанию жить по закону богоподобного ума, производя *тернии и волцы* (Быт. 3, 18) в его сердце, как выражается Макарий Великий» (Феодор (Поздеевский), архиепископ. Жизнеописание. Избранные труды. Сергиев Посад, 2000. С. 188).

⁹ Данное высказывание (*τοῦ νομοθετήσαντος αὐτὸν Θεοῦ τὴν φαντασίαν ἀναδέξασθαι μὴ δυνάμενος*), как и встречающееся выше (*τῶν γεγονότων... τὰς φαντασίας*), показывает, что способность воображения («фантазия» в лучшем смысле этого слова), согласно Евагрию, является существенной способностью ума. Ее, как и все прочие

Комментарии

способности, исказило грехопадение, сделал «прелестью», или способностью строить ложные иллюзии.

- ¹⁰ По учению Евагрия, при «чистой молитве», когда ум отрешается от всего чувственного и преходящего, он как бы созерцает и собственную природу, которая световидна, а это позволяет (древний гносеологический принцип: «подобное познается подобным») ему зреть и Божественный Свет. См.: *Guillaumont A. Études sur la spiritualité de l'Orient chrétien. Abbaye de Bellefontaine, 1996. P. 143–150.* Так, например, в одном из своих сочинений («Антирретике») Евагрий повествует, как он, вместе со своим другом подвижником Аммонием, задал вопрос известному авве Иоанну Ликопольскому: является ли ум по природе световидным (ἡ νόσος φύσις φωτεινὴ ἐστὶ) и даруется ли ему этот свет изнутри, или же свет озаряет его снаружи? Авва ответил, что человеку трудно рассуждать (διακρίναι) об этом, но несомненно, что ум во время молитвы не может быть осиянным без благодати Божией. См.: *Frankenberg W. Evagrius Ponticus. Berlin, 1912. S. 525.* Сам же Евагрий (судя по всему, уже позднее) отвечал на этот вопрос довольно ясно: «Признаком бесстрастия является то, что ум начинает зреть собственное сияние, пребывает безмолвным в отношении

Комментарии

- к призракам сновидений и безмятежно взирает на все вещи» (Творения аввы Евагрия. С. 107).
- ¹¹ Подразумевается та мысль, что яростное (*θύμος*) и желательное (*ἐπιθυμία*) начала души при их неправильном развитии превращаются в страсти гнева и похоти.
- ¹² Для Евагрия, как и для всех отцов-подвижников, чуждо еретическое презрение к телу, которое он рассматривает в качестве благого творения Божия и «орудия» (*ὄργανον*) души. См., например: *Les six centuries*. P. 163. Если тело и следует подавлять, то только потому, что оно наиболее уязвимо для нападков бесов. Вообще, как низший (материальный) элемент всего состава человека, оно должно держаться в узде.
- ¹³ На страсть тщеславия Евагрий, подобно другим древним инокам, обращает особое внимание. Так, разрабатывая «тактику» и «стратегию» духовной брани, он в трактате «О восьми лукавых духах» посвящает этому пороку целую главу. Здесь среди прочего дается такое определение данного порока: «Тщеславие есть неразумная страсть (*κενοδοξία πάθος ἐστὶν ἄλογον*), и она легко сплетается со всяким делом добродетели» (PG 79, 1160).
- ¹⁴ Обозначение разумного начала в человеке в качестве «кормчего» (*κιβερνήτης*) довольно часто

Комментарии

встречается у Климента Александрийского. См., например: «Поэтому и называют кормчим души рассудительность (*ὁ λογισμὸς καὶ τὸ ἡγεμονικόν* — “рассуждение и владычествующее начало”), которая, будучи правящей ее силой, есть начало устойчивое, всегда равное себе и руководительное» (Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Т. I. М., 1996. С. 143). Текст: Clemens Alexandrinus. Bd. II. Stromata Buch I–VI. Hrsg. von O. Stählin und L. Früchtel. Berlin, 1960. S. 141.

- 15 Так весьма часто обозначался Господь в древнецерковной письменности. См., например: «Он состоит Врачом по душевным нашим болезням (страстям). В собственном смысле под врачебным искусством разумеется помощь при телесных болезнях: оно есть плод человеческой мудрости. Слово же Отчее (Логос) состоит единственным прэонийским Врачом душевных немощей и небесным Заговаривателем больной души» (*Климент Александрийский*. Педагог. М., 1996. С. 32).
- 16 Следует отметить то, что в антропологии и в аскетическом учении первого учителя Евагрия — св. Василия Великого — память играла большую роль. Она, согласно св. Василию, не есть некая пассивная способность, играющая роль «вместилища и хранилища»

Комментарии

представлений, идей и мечтаний, но является активным началом душевной, интеллектуальной и духовной жизни человека; ее даже можно определить как «динамичный центр психической жизни человека». См.: *Bamberger J. ΜΝΗΜΗ — ΔΙΑΘΕΣΙΣ. The Psychic Dynamism in the Ascetical Theology of St. Basil // Orientalia Christiana Periodica. V. 34. 1968. P. 236.*

- ¹⁷ Подразумеваются мужи, стяжавшие духовное здравие, т. е. достигшие святости. Ср.: «Признаком бесстрастия днем служат помыслы, а ночью — сновидения. И мы говорим, что бесстрастие есть здоровье души, а питанием [ее] является ведение, которое одно только и имеет обыкновение сочетать нас со святыми Силами, поскольку соединение нетелесных [существ] происходит вследствие подобного внутреннего расположения [их]». Также: «Естественные движения тела во время сна, не сопровождающиеся видениями, указывают на то, что душа в некоторой мере здорова, а если образы принимают четкую форму, то это служит признаком недуга души» (Творения аввы Евагрия. С. 105–106).

- ¹⁸ В данном случае Евагрий употребляет термин *εἶδωλον*, который в древнецерковной письменности весьма часто имел негативные смысловые значения, обозначая языческие

Комментарии

идолы, призраки, грезы, «фантомы ума» и т. д. См.: *Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon.* Oxford, 1978. P. 408–409.

- 19 Или «ухищрения, злого умысла» (*τῆς ἐκείνων κακοτεχνίας*). Ср. увещание св. Игнатия Богоносца: «Избегайте злохудожеств и козней (*τὰς κακοτεχνίας καὶ ἐνέδρας*) князя века сего, дабы не ослабеть вам, подавленным волей (*τῇ γνώμῃ*) его, в любви» (*Ignace d'Antioche. Polycarpe de Smyrne. Lettres. Martyre de Polycarpe / Ed. par P.Th. Camelot // Sources chrétiennes. № 10. Paris, 1969. P. 124*).
- 20 Так, кажется, лучше переводить это выражение (*τὸ δὲ τοιάσδε ἢ τοιάσδε εὐρίσκειν φαντασιῶν διαφορὰς τὸν νοῦν*). Предполагается, вероятно, что видения («фантазии») во снах могут иметь страстный или нейтральный характер.
- 21 Как вообще все пороки возникают из злоупотребления какой-либо силой или способностью души (благого творения благого Творца), так и порок гнева происходит из злоупотребления (т. е. противоестественного движения) яростного начала; лечится же он противоположными гневу добродетелями, в первую очередь — кротостью. См.: *Bunge G. Drachwein und Engelsbrot. Die Lehre des Evagrius Pontikos von Zorn und Sanftmut. Würzburg, 1999. S. 63–76.* Поэтому Евагрий говорит, что ум может достичь

Комментарии

созерцания духовного мира только в состоянии бесстрастия, а это бесстрастие достигается тогда, когда яростное начало души облакается в кротость и смиренномудрие (*ἐνδεδύται γὰρ θυμὸς μὲν πραύτητα καὶ ταπεινοφροσύνη*), а желательное — в целомудрие и воздержание. См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbs*. P. 466–468. Еще он замечает, что милостыня (милосердие — *ἡ ἐλεημοσύνη*) уничтожает ужасные видения (*φοβεράς φαντασίας*), случающиеся с нами ночью. То же самое делают кротость, незлобивость, долготерпение и подобные им добродетели, которым присуще успокаивать смятенное яростное начало души (*ταρασσόμενον θυμόν*) (Ibid. P. 130).

- 22 Другими словами, яростное начало души должно постоянно находиться в узде или быть связанным, пребывать связанным (*δεδέντα*). Будучи освобожденным от этих пут, оно делается слишком «острым» («резким, пылким, стремительным» — *ὀξύτερος*), а поэтому в некотором роде сродным «звериным помыслам бевов» (*θηρίωδες αὐτῶν λογισμοὺς*), т. е. становится уже страстью гнева. О нем Евагрий замечает: «Гнев есть наиболее стремительная страсть. Говорится, что он есть кипение или движение яростного начала [души] против обидчика или кажущегося таковым. Он раздражает душу

Комментарии

на протяжении дня, но особенно улавливает ум во время молитв, представляя лик опечалившегося» (Творения аввы Евагрия. С. 97).

- ²³ См. Притч. 25, 8. *Букв.*: на брань, на спор, на ссору (*εἰς μάχην*).
- ²⁴ К сожалению, об этом обычае практически ничего не известно.
- ²⁵ См. Втор. 6, 3. Образ «назоря» ассоциировался в древнецерковной письменности с христианским подвижничеством. Так, св. Василий пишет падшему монаху: «Как Назорей, сиявший паче золота, очернился паче сажи? Как досто­честный сын Сиона сделался сосудом беспо­лезным?» и т. д. См.: *Свт. Василий Великий. Письмо 44, 1 // Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской*. Творения: В 2 т. Т. 2. М: Сибирская Благовонница, 2008 (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 4). С. 523 (далее — *Свт. Василий Великий. Творения*). Можно отметить, что в «Схолиях на Книгу Притч» Евагрия имеется схожее развитие мыслей. Здесь он говорит: «Если “ярость змиев вино их” (Втор. 32, 33) и если вино есть нечто разнузданное (*ἀκόλαστον*), то разнуздана и ярость (*ὁ θυμός*), делающая людей также раз­нузданными; гнев же (*ἡ ὀργή*) — нагл (*ὑβριστικόν*).

Комментарии

- Ибо само это опьянение [яростью] (*αὐτὴ γὰρ ἡ μέθη*) обычно происходит от кипения яростного начала души (*ἀπὸ ζέοντος τοῦ θυμοῦ*). И если назореи по закону воздерживаются от вина, то этот же закон постановляет, что назореи должны быть негневливы (*θυμοῦ... ἐκτὸς εἶναι*)» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbs. P. 300–302*).
- ²⁶ Евагрий, обладающий хорошим светским образованием, ссылается на античного писателя Менаандра. См.: *Lackner W. Zur profanen Bildung des Evagrius // Hans Gerstinger-Festgabe. Graz, 1967. S. 20.*
- ²⁷ Так цитирует Евагрий. Для древних иноков это место Священного Писания, наряду с Мф. 6, 33–34, Мф. 6, 23 и другими, служило основой той главной интуиции их мирозерцания, которая предполагала убеждение, что целью монашеского жития является внутренняя свобода, т. е. свобода от тревог о будущем, свобода от тирании воспоминаний о прошлом и т. д. См.: *Burton-Christie D. Op. cit. P. 222.*
- ²⁸ Фраза, достаточно трудная для перевода (*νοημάτων ἐν τῷ κατὰ διάνοιαν τόπῳ*). Но, вероятно, «умопредставления» о суетных вещах, внушаемые бесами, становятся как бы «толпой» (*ὄχλου* — «народом»), беспорядочно кшащей в уме («месте мысли»); эта «толпа»,

производящая своего рода «броуновское движение», совершенно поглощает «Иисуса», т. е. богомыслие, которое должно царствовать в этом «месте». Другими словами, житейская многозаботливость вытесняет из духовного центра человеческой личности молитву, как постоянное слово и мысль о Боге.

- 29 Греческое слово *μέριμνα* («забота», «попечение») текста Септуагинты передается в церковнославянском переводе как «печаль». Ср. толкование Евфимия Зигабена: «Возложи, брат, заботу о всей жизни и души твоей на Бога, ибо Бог пропитает тебя и по телу, и по душе твоей; а если пропитает тебя, то явно, что и оденет, и если оденет, явно, что и сохранит и избавит тебя от всякого искушения». Евфимий приводит и толкование св. Кирилла: «Выражение “возлагать заботу на Господа” не означает совершенной безболезненности и бесчувствия, но то, когда при заботливости по мере сил каждого возлагаем все на помощь Божию, могущую и подкрепить немощь нашу, и то, о чем заботимся, увенчать добрым окончанием. Итак, хорошо псалмопевец ведет нас к благоговению, потому что Господь, приводящий все неизреченною Своею Силою в бытие, может подать пищу всем, когда возложим на Него надежду. Что же значит возлагать надежду? Устранив

Комментарии

ум от всего мирского, заботиться об угождении только Богу» (Толковая Псалтирь. С. 335).

- ³⁰ *Букв.*: научаемый самой этой чувственной историей (*ἀπὸ αὐτῆς δὲ τῆς αἰσθητῆς παιδευόμενος ἱστορίας*). Скорее всего, данную фразу можно понимать как выражение обычного смирения и скромности, которые были присущи Евагрию. Созомен, охарактеризовав его как мыслителя («муж ученейший, сильный умом и словом и особенно способный различать мысли, ведущие к добродетели и пороку, и располагаться так, чтобы первые развивать, а последних остерегаться»), затем прибавляет: «...нрав его отличался, говорят, умеренностью и обнаруживал столь мало тщеславия и гордости, что как заслуженные похвалы не надмевали его, так и незаслуженные укоризны не возбуждали в нем огорчения» (Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851. С. 440–450).

- ³¹ Ср.: «Ты не можешь чисто молиться, если поглощен материальными вещами и взбудоражен постоянными заботами» (Творения аввы Евагрия. С. 84).

- ³² См. толкование: «Сердцем здесь назвал ум. Он говорит: если даже ничего из того не бывает, однако вообще, где сокровище, там будет и ум ваш. Но немалый вред для души в том, что ум пленен здесь, связан многообразною заботою

Комментарии

об охранении сокровища, поработен такой тирании и не смеет перейти к другой мысли» (Толкование Евангелия от Матфея и Толкование Евангелия от Иоанна, составленные по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном. СПб., 2000. С. 77).

³³ Содержание этой главы в значительной мере повторяется в одном из писем Евагрия (18-м). См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste*. S. 231.

³⁴ Добродетель «странноприимства» (*φιλοξενίας*) высоко ценилась древними иноками. См., например, у св. Феодора Эдесского: «Патриарх [Авраам], избрав в постоянное себе делание (*ἐργασίαν*) странноприимство, сидел перед своею скиниею и приглашал мимоходящих, всем потом без различия, нечестивым и варварам, предлагая трапезу, не раздумывая. А поэтому и удостоился той чудной трапезы, оказав гостеприимство Ангелам и [Самому] Владыке всяческих. Будем же и мы со всем усердием и желанием радеть о странноприимстве, чтобы принять нам не только Ангелов, но и [Самого] Бога. Ибо Господь говорит: “Как вы сделали это одному из сих [братьев Моих] меньших, то сделали Мне” (Мф. 25, 40). Хорошо благодетельствовать всем, но особенно тем, которые не имеют чем воздать» (Добролюбие. Т. 3.

Комментарии

Сергиев Посад, 1992. С. 340. Текст несколько исправлен по изданию: ΦΙΛΟΚΑΛΙΑ ΤΩΝ ΙΕΡΩΝ ΝΗΠΤΙΚΩΝ. Τ. 1. ΑΘΗΝΑΙ, 1982. Σ. 320).

35 Эта фраза (*ἀεὶ κατέχει τὸν ὀρθὸν λογισμὸν ἄφθαρτον οὐκ ἰσχύομεν*) находит отклик в одной схолии на «Книгу Притч», где Евагрий, толкуя Притч. 5, 20 («не мног будь к чуждей»), замечает, что, будучи человеком, невозможно полностью воздерживаться от лукавых помыслов; однако для человека возможно не задерживаться (*μὴ χρονίζειν*) в них. См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbs*. P. 160.

36 Ср. ниже, гл. 31 и примеч. 149.

37 Это различие помыслов, предполагающее учение о «различении духов», восходит к древнехристианскому аскетическому богословию. Свидетельство о нем оставил Ориген, который говорит: «Мы находим, что помыслы, исходящие из нашего сердца, или воспоминание о каких-нибудь событиях, или представление о каких-либо вещах и делах иногда происходят от нас самих, иногда возбуждаются противными силами, иногда же внушаются Богом или святыми Ангелами» (Творения Оригена, учителя Александрийского, в русском переводе. Вып. 1. О началах. Казань, 1899. С. 256). По поводу двух видов из этих помыслов Евагрий замечает: «Невозможно противостоять всем тем помыслам,

которые внушают нам Ангелы, но возможно отвергнуть все помыслы, внушаемые бесами. Ибо за первыми помыслами следует мирное состояние [души], а за вторыми — [состояние] смятения» (Творения аввы Евагрия. С. 108).

38 Учение об этих «смыслах», «словах» или «логосах» (*πνευματικῶς... λόγους*) играет существенную роль в мирозерцании Евагрия. Подобный «логос» какого-либо естества, согласно ему, представлял онтологический принцип или «идею» его. См. предисловие к изданию: *Évagre le Pontique. Le gnostique ou a celui qui est devenu digne de la science* / Ed. par A. Guillaumont et C. Guillaumont // Sources chrétiennes. № 356. Paris, 1989. P. 29. Познание этих «словес» («смыслов») обретается, как правило, уже у обладающих духовным опытом и искушенных в духовных бранях мужей, которые способны к «естественному созерцанию» («физике»), т. е. могут прочесть, с помощью молитвы, «слова Книги творения»; прочтение же таких «словес» («логосов») ведет к познанию Творца. См.: *Bunge G. Aktive und kontemplative Weise des Betens im Traktat De oratione des Evagrius Pontikos* // *Studia Monastica*. V. 41. 1999. S. 217–221. Таким духовно умудренным мужем был преп. Антоний Великий, одно повествование о котором передает сам Евагрий:

Комментарии

«К праведному Антонию пришел некто из тогдашних мудрецов и сказал: «Как выдержишь ты, отче, лишенный утешения, [получаемого] от книг?» Тот же ответил: «Книга моя, философ, есть природа сотворенных [вещей], и она всегда под рукой, когда хочу я прочитать словеса Божии (λόγους ἀναγιγνώσκει τοῦ Θεοῦ)». (Творения аввы Евагрия. С. 110). Евагрий еще замечает, что тем людям, которые живут благодно и мужественно, служба Правде (τῇ δικαιοσύνῃ δουλεύουσαι), даруется ведение Бога и сладостный покой, если они познали либо некоторое число, либо множество смыслов здешних вещей (ὀλίγους τινὰς τῶν ἐνταῦθα ἢ πολλοὺς λόγους ἐγνώκασιν). См.: *Évagre le Pontique. Scholies a l'Ecclésiaste / Ed. par P. Géhin // Sources chrétiennes. № 397. Paris, 1993. P. 128–130.*

- 39 Эту мысль Евагрия, вероятно, можно истолковать так: тайны тварного мира, сосредоточенные в его «смыслах» или «логосах», были частично явлены в ветхозаветном Откровении (символом его является скиния и ее золотые сосуды), а затем похищены язычниками (их символизирует царь Вавилонский). Но с Воплощением Бога Слова полнота их явлена в Церкви Христовой (ее олицетворяет Клеопа). Ср. рассуждение св. Мефодия: «Иудеи предвозвещали о нашем, а мы возвещаем о небесном, так как скиния

Комментарии

была символом Церкви, а Церковь — небес». Далее приводится еще такое символическое толкование золота: «В похвалу золота указывают на два свойства его: на то, что оно не подвергается ржавчине, и на то, что по цвету своему оно несколько уподобляется солнечным лучам; оно справедливо и служит символом девства, которое не допускает пятна и порока (Еф. 5, 27) и постоянно сияет светом Слова» (*Сщмч. Мефодий Патарский. Пир десяти дев 5, 8 // Творения св. Григория Чудотворца и св. Мефодия, епископа и мученика. М., 1996. С. 72–73*).

⁴⁰ Данная фраза (*κατὰ τὸν κανόνα τοῦτον μυστικῶς ὑμναζόμενος*) предполагает широко распространенное представление о христианине (идеальным воплощением его является подвижник, инок) как об атлете, борце. А такой атлет, согласно Евагрию, должен постоянно «быть в форме», те всегда упражняться не только в посте, молитве и стяжании добродетелей, но и в изыскании «смыслов» («логосов») тварных вещей, исследовании «смыслов» Священного Писания и в постоянном восхождении на все более высокие ступени богомыслия. Однако такое упражнение, как подчеркивает Евагрий, должно осуществляться не произвольно и «анархично», но *по канону*, который определяется церковным Преданием вообще и «преданием старцев» в частности.

- 41 Слово *πλάνος* может иметь смысл и «обманщик», но здесь речь идет именно о бесе-«бродяге», который заставляет ум подвижника «блуждать», поскольку, по словам самого же Евагрия, «ум легкоподвижен и неудержим [в своем стремлении] к незаконным мечтаниям» (Творения аввы Евагрия. С. 104). Поэтому в одном из своих сочинений, сохранившемся только в сирийском переводе, он призывает подвижника к постоянному бдению, чтобы его ум не блуждал («не бродяжничал») во время молитвы среди суетных попечений. См.: *Évagre le Pontique. Protreptique et Parénétiq ue* / Trad. par V. Desprez // *Lettre de Legugé. № 278. 1996. P. 17*. Можно отметить, что схожее название беса встречается и у преп. Иоанна Кассиана Римлянина, но здесь этот бес (точнее, бесы) выполняет несколько иную «работу». Как говорит преподобный, «у нечистых духов, без сомнения, столько же занятий (*studia* — профессий), сколько и у людей. Некоторые из них, которых простой народ называет также “бродягами” (*quos etiam Planos vulgus apellat*), суть обольстители и шутники (*seductores et ioculares*); они постоянно занимают некоторые места или дороги. Однако они не любят [долго] мучить путников, которых вполне могут обмануть, но, поиздевавшись и понасмехавшись

Комментарии

[над ними], предпочитают скорее беспокоить их, чем приносить вред» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 303*). Перевод исправлен по изданию: *Jean Cassien. Conférences. T. I / Ed. par E. Pichery // Sources chrétiennes. № 42. Paris, 1955. P. 273–274.*

- ⁴² Данное «состояние» (*τὴν οἰκείαν κατάστασιν*), вероятно, не является тем «мирным состоянием», которое случается по причине «тактического отступления» темных сил, но есть состояние духовной сосредоточенности (а его также можно назвать «умиротворенным, спокойным»), стяжаемое долгим подвижническим трудом; благодаря этому последнему состоянию и произрастают семена добродетели, изначально посеянные Богом в нашей душе. Ср.: «Есть два мирных состояния души: одно происходит от естественных семян, другое — когда удаляются бесы. За первым следует смиренномудрие вместе с сокрушением, слезы, беспредельная любовь к Божеству и безмерное усердие к труду; за вторым — тщеславие вместе с гордыней, которые увлекают монаха в пагубные [западни] остальных бесов. Поэтому тот, кто бдительно стоит на страже границ первого состояния, быстро узнает о набегах бесов» (*Творения аввы Евагрия. С. 106*).

Комментарии

- ⁴³ Эта фраза (*τὸν μακρὸν ἐκεῖνον κύκλον ἐργάζεται*) предполагает, что под утро (вероятно, после ночных молитв или богослужения) указанный бес ходит как бы окрест подвижника, улавливая подходящий момент для нападения.
- ⁴⁴ Подобное высказывание Евагрия (*μὴ ταχέως φθελγίζομεθα πρὸς αὐτὸν μηδὲ μηνύσωμεν τὰ γινόμενα*) следует понимать, скорее всего, в свете той духовной практики «прекословий», которая получила распространение в древнеегипетском монашестве и которую в определенной степени систематизировал Евагрий. Суть этой практики сводилась к тому, что при нападении какому-нибудь определенному бесу или при приращении конкретного помысла читались известные места из Священного Писания и соответствующие молитвы. См.: *O'Laughlin M. The Bible, the Demons and the Desert: Evaluating the Antirrheticus of Evagrius Ponticus // Studia Monastica. V. 34. 1992. P. 201–215*. Названная фраза же указывает, вероятно, на тактический прием в духовной брани: нельзя слишком рано обнаруживать себя противнику, для которого «прекословия» — смертельное оружие. Последующее рассуждение Евагрия свидетельствует об этом.
- ⁴⁵ *Букв.*: пьесу, драму (*τὸ δράμα*). Бес предстает в данном случае как режиссер и одновременно актер, ставящий в своем «театре одного

Комментарии

актера» пьесу, имеющую фабулу («интригу» — τὸ σκευώρημα).

- ⁴⁶ Или «омраченным» (τεθολωμένον); о такой способности бесовских сил помрачить или замутнить владычественное начало нашей души говорил и Ориген (τὸ ἡγεμονικὸν ἡμῶν θολώσαντος). См.: *Origène. Commentaire sur saint Jean. T. IV / Ed. par C. Blanc // Sources chrétiennes. № 290. Paris, 1982. P. 320.*
- ⁴⁷ Обычное положение древних иноков при молитвенном созерцании или рукоделии. Так, в одном из своих сочинений (фрагмент которого в рукописной традиции приписывается также св. Аммону — ученику преп. Антония Великого) Евагрий говорит: «Сидя в келлии своей (καθεζόμενος ἐν τῇ κελλίῳ σου), собери ум свой, вспомни о дне смерти, представь себе тогдашнюю мертвость тела, подумай об этом несчастьи, прими труд [подвижничества], осознай суету мира сего, возьми попечение о кротости и усердии, дабы мог ты всегда пребывать в том же самом рвении к безмолвию и не впал бы в немощь» (Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 58. Текст: PG. 40, 1261).
- ⁴⁸ Согласно Евагрию, бесы «весьма негодуют на тех, кто предается [духовному] деланию ведущим образом, желая состреляти во мраще

Комментарии

правые сердцем (Пс. 10, 2)» (Творения аввы Евагрия. С. 105).

⁴⁹ Об этой богооставленности (*ἐγκατάλειψις*) Евагрий говорит: «Помни о пяти причинах богооставленности, чтобы смочь оправдаться от малодушия, которое является следствием печали. Прежде всего, богооставленность проявляет скрытую добродетель. Когда же об этой добродетели нерадеют, то она через наказание восстанавливается и становится причиной спасения других. А когда добродетель становится слишком выдающейся, то богооставленность научает смирению тех, кто ею обладает. Наконец, опытно испытавший зло [начинает] ненавидеть его, а поэтому опыт есть отпрыск богооставленности, сама же богооставленность есть дочь бесстрастия» (Творения аввы Евагрия. С. 116). Одной из главных форм богооставленности (о которой и идет речь в данной главе Евагрия) является жестокая брань темных сил с нами, которая попускается Богом. О ней преп. Максим замечает: «Говорят, что вследствие пяти причин попускается Богом брань бесов с нами. Первая причина, как говорят, та, чтобы мы, будучи боримы и противоборствуя, достигли различения добродетели и порока. Вторая та, чтобы мы, борьбою и трудом стяжав добродетель, имели ее твердой и незыблемой.

Комментарии

Третья та, чтобы мы, преуспевая в добродетели, не превозносились, но научились бы смирению. Четвертая та, чтобы, изведав на опыте порок, мы возненавидели бы его совершенной ненавистью. Наконец, пятая и самая важная причина та, чтобы, став бесстрастными, мы не забыли бы ни о собственной немощи, ни о силе [Помогающего] нам» (Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. С. 116).

50

В другом своем сочинении («К монаху Евлогию» — оно неправильно приписывается преп. Нилу) Евагрий говорит о «ненависти ко греху» (τὸ τῆς ἀμαρτίας μίσος). См.: PG 79, 1221. Данная мысль о «совершенной ненависти» впоследствии нашла отзвук у ряда святых отцов. Так, авва Дорофей в одном из своих изречений (они не вошли в русский перевод) замечает, что не следует желать освобождения от какой-либо страсти только ради того, чтобы избежать муки («стеснения»), приносимой этой страстью (τὴν θλίψιν αὐτοῦ); должно же подлинно ненавидеть саму эту страсть (ἀκριβῶς μισοῦντα αὐτὸ), по сказанному: «Совершенною ненавистию возненавидех я» (Пс. 138, 22). См.: *Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles / Ed. par L. Regnault et j. De Préville // Sources chrétiennes. № 92. Paris, 1963. P. 530.* Мысль Евагрия развивает и св. Феодор Эдесский: «Слово Давида (ὁ δαβιτικὸς λόγος)

Комментарии

научает нас ненавидеть бесов совершенной ненавистью. И это очень пригодно для свершения добродетели (*πρὸς ἀρετῆς ἐργασία*). Но кто же это тот, кто ненавидит совершенной ненавистью врагов спасения? Тот, кто не грешит не только делом, но и в мысли. Однако, поскольку орудия дружбы их (бесов — *τὰ σκεύη τῆς αὐτῶν φιλίας*), то есть причины страстей, будут пребывать в нас, то как может эта ненависть исполниться нами? Ибо сластолюбивое сердце не в силах питать эту ненависть в себе» (Добротолубие. Т. 3. Сергиев Посад, 1992. С. 333. Перевод исправлен по изданию: ΦΙΛΟΚΑΛΙΑ ΤΩΝ ΙΕΡΩΝ ΝΗΠΤΙΚΩΝ, τομος Α'. ΑΘΗΝΑΙ, 1982. Σ. 314–315).

- 51 Аналогичный образ встречается у св. Григория Богослова: «Некоторые своими насилиями превзошли требования времени, подобно ве-
пряму, кидающимся на ограду» (*Свт. Григорий Богослов. Слово 33, 5 // Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: В 2 т. Т. 1. М.: Сибирская Благовонница, 2007 (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 1). С. 409*).
- 52 Евагрий жил обычно в пустыне Келлий, куда «удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой. Здесь они

Комментарии

проводили жизнь более безмолвную; потому и их келлии так удалены были друг от друга, чтобы ни взор, ни слух не развлекался близким сожитием других братий. Потому и поставлено было правилом не ходить одному в келлию другого, чтобы не нарушать безмолвия. Только по субботам и воскресениям они собирались в храм для общего богослужения и тут, как бы восхищенные на небо, изливали свою душу в пламенных молитвах к Богу. Если замечали, что кто-либо из братий не приходил к общему богослужению, это было знаком, что он или болен, или скончался, тогда каждый спешил к его келлии и нес, что имел, дабы или облегчить страдания больного, или воздать последний долг усопшему. Если приходил кто-либо к ним, каждый готов был отдать ему свою келлию» (*Казанский П.С.* История православного монашества на Востоке: В 2 ч. Ч. II. М., 2000. С. 56–57).

53

Согласно Евагрию, грех уныния (*ἀκηδία*) проявляется во множестве форм (лень заниматься рукоделием, нерадение в исполнении своего правила, незнание Священного Писания и т. д.). Одной из разновидностей такого внешнего проявления этого греха является ненависть к избранному месту подвижничества — к своей келлии, к своему монастырю и т. д. См.: *Bunge G.* ΑΚΕΔΙΑ. Die gestliche Lehre des

Evagrius Pontikos vom Überdruss. Köln, 1989. S. 54–55.

54 По аскетическому учению Евагрия, лукавые помыслы (а также их вдохновители — бесы) не только «сотрудничают» друг с другом и вступают в «военные союзы», но и часто соперничают друг с другом, ссорятся и даже ведут «междусобные брани». Победителям в этих «бранях» нередко оказывается бес печали, ибо, как говорит Евагрий, «из помыслов одни только помыслы печали являются губительными для всех [остальных] помыслов». Кроме того, он замечает: «За всяким помыслом, исключая помысла печали, следует наслаждение». См.: Творения аввы Евагрия. С. 126–127. Опасность этого беса (и соответственно, его помыслов) состоит в том, что он сражается, по словам Евагрия, с христианами «умеренно» («с тактом, выдержкой, терпением» — *μετρίως πολεμῶν*), т. е. отличается особо тонким коварством, позволяя иногда подвижнику даже быть «искусным» (*δόκιμον*), чтобы затем еще сильнее уязвить его.

55 Так, думается, лучше переводить выражение *ὑπεξάγειν ἑαυτῆν*. Ср.: «Немилосердных после смерти примут немилосердные бесы, а наиболее немилосердных — бесы еще более бесчеловечные. А если дело обстоит так, то от [насильственно] прекращающих свою жизнь

Комментарии

скрыто, какие бесы встретят их после кончины? Ибо говорят, что никто из тех, чья смерть произошла по воле Божией, не предается такому бесам» (Творения аввы Евагрия. С. 121). Естественно, что к самоубийству Евагрий, как и всякий церковный писатель, относился отрицательно. См.: *Guillaumont A. Les «Kephalaia gnostica» d'Évagre le Pontique et l'histoire de l'origénisme chez les grecs et chez les syriens. Paris, 1962. P. 112.* Такое категоричное отрицание самоубийства у Евагрия связано не только с его позитивной оценкой тела (как это подчеркивает А. Гийомон), но и со всем контекстом его мирозерцания, прежде всего — с ясным осознанием того факта, что помыслы о самоубийстве суть «чада» бесов.

- 56 Опыт подобной «лукавой печали» (или скорби) часто запечатлевается в святоотеческих творениях. Ср., например: «Когда я еще был там в общежитии, нашла на меня однажды великая и нестерпимая скорбь, и я был в таком страдании и стеснении, что готов был даже предать (смерти. — А.С.) и самую душу мою; скорбь же сия происходила от коварства демонского. И такое искушение, наносимое демонами от зависти, бывает тяжело для человека, но маловременно: оно мрачно, тяжело, безутешно; ниоткуда не представляется успокоения, но отовсюду

Комментарии

стеснение, отовсюду угнетение. Однако скоро посещает душу благодать Божия; ибо если бы не посетила благодать Божия, то никто не мог бы перенести сего» (Преподобного отца нашего аввы Дорофея Душеполезные поучения и послания. М., 2001. С. 91–92).

57 Как констатируют издатели в своем комментарии, Евагрий в данном случае ссылается на один из принципов медицины Гиппократата: «подобное исцеляется подобным» (*similia similibus curantur*).

58 Так цитирует Евагрий. По святоотеческому изъяснению, «таковой может сделать то же, что сделал Иуда, или что он в образе жизни может сделать хуже. Ибо хотя, говорит, он и не таков, чтобы не мог более переносить мучений продолжительного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь или предаться большему нечестию» (Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования Посланий апостола Павла. Второе послание к Коринфянам. М., 1998. С. 66).

59 Авраам в древнемонашеской письменности часто выступал как прообраз христианских иноков и их «старничества». См.: *Guillaumont A. Aux origines du monachisme chrétien. Pour une phénoménologie du monachisme. Abbaye*

de Bellefontaine, 1979. P. 92–95. Так, преп. Иоанн Кассиан Римлянин, толкуя Быт. 12, 1, считает, что в повелениях Бога Аврааму содержатся указания на «три отречения», которые обязательны для монахов. Во-первых, сказал: *от земли твоея*, т. е. от богатства мирского и стяжаний земных; во-вторых, *от рода твоего*, т. е. прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, кои, прилепившись к нам с самого рождения, являются родственными и единокровными нам; в третьих, *от дому отца твоего*, т. е. от всякого воспоминания о мире и о всем, что представляется взору очей» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. С. 208*).

⁶⁰ Эту фразу почти полностью повторяет авва Дорофей. См.: Преподобного отца нашего аввы Дорофея Душеполезные поучения. С. 114. Правда, в русском переводе передается некорректное чтение некоторых греческих рукописей: «отцы сказали»; однако в лучших греческих кодексах стоит: «Евагрий сказал» (*ὁ Εὐάγριος εἶπεν*). См.: *Dorothee de Gaza. Oeuvres spirituelles*. P. 306.

⁶¹ В своих творениях Евагрий неоднократно обращается к добродетели кротости (*πραότης*), считая ее обычно главным противовесом яростного начала души (*ὁ θυμός*), а соответственно, и страсти гнева. Кротость часто

Комментарии

ассоциируется у него со смирением, милостивостью и прочими добродетелями; именно она в первую очередь делает ум чистым, а тем самым открывает ему путь к высшему ведению. См.: *Driscoll J. Gentleness in the «Ad Monachos» of Evagrius Ponticus // Studia Monastica. V. 32. 1990. P. 295–321.*

- 62 Эти мысли Евагрий частично повторяет, а частично и развивает в одном из своих посланий (56-м), которое в значительной части своей также посвящено кротости. Эта добродетель здесь снова противопоставляется страсти гнева; олицетворением кротости является Моисей, относительно нее часто дает духовные наставления Давид, и, наконец, высший образец кротости являет нам Господь, указавший через нее путь горе для каждого человека. См.: *Evagrius Ponticos. Briefe aus der Wüste. S. 271–274.* Г. Бунге по поводу этих мыслей Евагрия замечает, что для него кротость есть «аристократическая добродетель» в лучшем смысле этого слова. См.: *Bunge G. Dracsenwein und Engelsbrot. S. 90.*
- 63 Как и выше (гл. 5), яростное начало души сравнивается с собакой.
- 64 Ср.: «Из помыслов одни нематериальны (*ἄυλοι* — невещественны), другие — маломатериальны (*ὀλιγούλοι* — маловещественны), а третьи — многоматериальны (*πολύλοι* — многовещественны).

Комментарии

Нематериальные суть помыслы, [происшедшие] из первой гордыни, маломатериальные — помыслы блуда, а многоматериальные — помыслы тщеславия» (Творения аввы Евагрия. С. 125). «Многовещественность» указанного помысла состоит, вероятно, в том, что он обычно связывается с представлениями об обилии и богатстве всяких земных стяжаний, заставляющими людей кичиться этим обилием, словно чем-то непреходящим и вечным. Слово «многовещественный» употребляет и св. Иоанн Карпафский (находящийся, несомненно, под влиянием аскетического богословия Евагрия), когда он, говоря от лица освободившейся от страстей души, замечает: «Теперь я единоправна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева и от полчища злых помыслов, многоискусных во зле и многовещественных» (Добротолюбие. Т. 3. Сергиев Посад. С. 85).

65

Ср.: «После поражения остальных помыслов только помыслы тщеславия и гордыни начинают возникать в нас» (Творения аввы Евагрия. С. 127). Данный факт, несомненно, связан с тем, что тщеславие особенно опасно для тех подвижников, которые достигли определенного духовного преуспеяния: «Помысел тщеславия — наитончайший, и он сопутствует тем, кто легко преуспевают [в духовном делании], желая

Комментарии

- сделать общим достоянием их подвиги и ища славы человеческой (1 Фес. 2, 6)» (Творения аввы Евагрия. С. 98).
- 66 В другом своем сочинении («О восьми лукавых духах», приписываемом преп. Нилу) Евагрий замечает: «Блистание молнии предуказывает громовой удар, а гордости возвещает тщеславию» (Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 131).
- 67 Ясно и неоднозначно это место Священного Писания (наряду с другими) соотносит с люцифером преп. Иоанн Кассиан Римлянин. См.: Писания. С. 310.
- 68 Ср. краткое объяснение Евагрия: эти слова означают, что ум не должен медлить (задерживаться) среди порочных умопредставлений (*οὐ δαί τὸν νοῦν ἐγκρονίζειν τοῖς φαύλοις νοήμασι*). *Évagre le Pontique*. Scholies aux Proverbs. P. 212.
- 69 Как объясняет опять Евагрий, эти слова Писания показывают, что яростная часть преобладает в [душе] бесов (*τὸ θυμικὸν μέρος ἐπιρατῆι ἐν τοῖς δαίμοσιν*). Ibid. P. 150.
- 70 Данная фраза Евагрия (*ὀλίγησ ἀπαθείας* — «малого бесстрастия») показывает, что в аскетике его различается несколько стадий преуспеяния в бесстрастии, по крайней мере две (см. выше в гл. 10 высказывание о «первом и великом

бесстрастии»). Это учение развил преп. Максим, который выделяет четыре таких стадии: «Первое бесстрастие есть полное воздержание от осуществления зла на деле, и оно наблюдается у новоначальных; второе бесстрастие — полное отвержение и в мысли [всякого] соизволения на порочные помыслы у тех, которые сопричаствуют добродетели вместе с разумом; третье бесстрастие — полная неподвижность желательного начала [души] относительно страстей у тех, которые через зримые образы вещей проникают умным видением в смыслы («логосы») их; четвертое бесстрастие есть полное очищение и от простого представления о страстях в воображении у тех, которые посредством ведения и созерцания соделали владычественное начало своей души чистым и прозрачным зеркалом Божиим» (Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. II. С. 200).

- 71 Некое подобие этой мысли Евагрия можно найти у Златоустого отца: «Мы говорим, что Христос сотворил великие чудеса, людей изменил в Ангелов. Но когда спрашивают от нас доказательств на это и заставляют представить пример из этого стада, — мы немые, и я боюсь, как бы вместо Ангелов не выгнать свиней из хлева или коней женонеистовых... Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается

Комментарии

от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы — и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место только кучами навоза — таковы именно их разговоры» (Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина, града Златоустаго. Избранные труды. Толкование на святого Матфея Евангелиста. Кн. 2. М., 1993. С. 873).

⁷² Подразумевается, что страсти суть заболевания души и ума; под «одром» («постелью») в данном случае подразумевается келлия.

⁷³ Эта фраза (*καθεζόμενοι πρόσωπον μᾶλλον ἑαυτοῖς*) является, скорее всего, отзвуком Втор. 15, 9. На эти слова Священного Писания св. Василий написал целую Беседу, представляющую собой одну из самых драгоценных жемчужин в святоотеческой сокровищнице. Здесь он, среди прочего, говорит: «Внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себе; ибо иное — мы сами, иное — принадлежащее нам, а иное — что около нас. Душа и ум — это мы, поколику сотворены по образу Создавшего; тело и приобретаемые посредством него ощущения — это наше; около же нас — имущество, искусства и прочие удобства жизни. Поэтому что значит слово сие? Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись, то есть за здоровьем, красотой, наслаждением,

Комментарии

удовольствием и долголетием; уважай не деньги, не славу, не владычество, не почитай великим, что служит для временной жизни, и в попечении о сем не будь нерадив о преимущественной сей жизни. Но *внемли себе*, то есть душе своей» (Свт. Василий Великий. Беседа 3, 3 // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 1. С. 884). Евагрий же использует указанные слова в следующем контексте: «Внемли себе и прямо направляй добродетели свои (*τὰς ἀρετὰς σου κατεύθυνει*), потому что люди не могут быть всегда одинаково сильными в них и не могут здраво (*ὑγιῶς*) переходить от одной добродетели к другой и от одного ведения к другому, ибо человеческое состояние (устройство — *τῆς ἀνθρωπίνης καταστάσεως*) не [в силах] легко воспринять это» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes. P. 428*).

⁷⁴ Данная фраза (*ἀνακαινούμενοι δὲ ἐν τῇ γνώσει ποικίλων προσλαμβάνομεν πλήθος θεωρημάτων*) соотносится с этапом «естественного созерцания» и является развитием мысли св. апостола Павла о «многообразной премудрости Божией» (Еф. 3,10).

⁷⁵ Эти слова (*ὑψούμενοι δὲ πάλιν κατὰ τὴν προσευχὴν φανερότερον τὸ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν ἐποπτεύομεν φῶς*) относятся, согласно учению Евагрия, уже к этапу собственно богословия. Для Евагрия подобное богословие было совершенно немислимо

Комментарии

без молитвы, а к тому же врата боговедения, как он постоянно подчеркивал, может открыть нам только Спаситель наш Господь Иисус Христос. Естественно, что Евагрием предполагается и важнейшая роль церковных таинств (в первую очередь — крещения), которые позволяют «свету в нас» зреть Божественный Свет. В данном случае, как и в ряде других, он наследует лучшие традиции александрийского богословия. Ср.: «Бога познаем мы потому только, что (в крещении) изливается на нас с неба Дух Святой. Привходит в наш глаз небесный луч, сообщающий ему способность видеть небесный Свет. Подобное и дружит с подобным; святое дружит со своим Первоисточником, а этот по преимуществу именуется Светом» (Педагог, творение учителя Церкви Климента Александрийского. С. 47).

- ⁷⁶ В данном случае, как и во многих других, Евагрий являет себя глубоко целомудренным писателем. В «Антирретике» он также замечает, что бесовские «неизреченные пороки» не должны с обнажающей ясностью запечатлеваться в письменном виде (*ἐν τῇ γραφῇ*), чтобы не охлаждать усердия подвигающихся (*τῆν σπουδὴν τῶν ἀγωνιζομένων*), не вносить смуту в душу уже отрекшихся от мира и не соблазнять простых людей (*ιδιώτας*), пребывающих в миру. См.: *Frankenberg W. Op. cit. S. 495.*

- 77 Опыт подобного рода искушений неоднократно запечатлевался в монашеской письменности. См., например, повествование о первых подвигах преп. Антония в его «Житии»: «Не ослабевал окаянный диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы оболести Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал угль его оболещения» (*Святитель Афанасий Великий*. Творения: В 4 т. Т. III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 183).
- 78 В сочинении «К монаху Евлогию» (оно в некачественных и поздних рукописях неверно приписывается преп. Нилу) Евагрий описывает и совершенно иную тактику бесов: иногда они усыпляют в подвижнике «разжжение плоти, с хитрым намерением не дают во внутренности места нечистым помыслам, чтобы человек подумал, будто бы дух блуда препобежден суровостию его жизни, сердце его близко к светлости святых и взошел он на самый верх святости» (Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 157). Но это, естественно, лишь уловка бесов, предпринятая с тем, чтобы нанести более сильный удар подвижнику.
- 79 Ср. следующую мысль Евагрия: «Когда, борясь за добродетель, яростное начало [души]

Комментарии

наносит удары бесам (*πικτεύη τοῖς δαίμοσιν*), оно является сильным и достохвальным (*ἐπαινετός*), а когда оно, сражаясь за тленные вещи, наносит удары людям, то [делается] зазорным (*ψεκτός*)» (*Évagre le Pontique. Scholies a l'Ecclésiaste. P. 158*).

- ⁸⁰ Толкуя Притч. 28, 7 («Хранит закон сын разумный; а иже пасет насытость, бесчестит отца своего»), Евагрий замечает: «Он называет пастиухом ум, а овцы же суть страстные умопредставления, которые в нем (*τὰ ἐν αὐτῷ ἐμπαθῆ νοήματα*); когда он питает их в себе, то “преступлением закона бесчестит Бога” (Рим. 2, 23). Ибо насытость души есть страстные помыслы, которые осуществляют [на деле] посредством тела, а насытость ума есть принятие (*ὑπόληψις*) ложных догматов и созерцаний» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbs. P. 434–436*). Таким образом, понятия «умопредставления» и «помыслы» в данном случае являются у Евагрия практически синонимами; также почти тождественны понятия «человек» и «ум» (под которым понимается внутреннее и подлинное «я» человека, его сердце и душа). Можно отметить, что образ пастыря в схожем контексте употребляет и св. Григорий Нисский, который говорит, что движения нашей души должны подчиняться воле управляющего

разума (τῆ βουλήματι τοῦ ἐπιστατοῦντος λόγου), словно овцы пастуху. См.: *Grégoire de Nysse. La vie de Moïse / Ed. par J. Danielou // Sources chrétiennes. № 1 ter. Paris, 1968. P. 116.*

- ⁸¹ Изъясняя Еккл. 3, 10–13 в довольно обширной схолии, Евагрий говорит, что Бог дает мысли человеческой попечение о чувственных вещах до того, как она пройдет процесс очищения. После него «чистый» (ὁ καθαρὸς) уже не рассматривает эти чувственные вещи как единственные предметы, достойные попечения ума, но видит в них лишь средства для духовного созерцания (τῆν πνευματικὴν θεωρίαν). Ибо одно дело, когда ум запечатлевается (τυποῦται ὁ νοῦς) чувственными вещами, т. е. когда он рассматривает [все] чувственным образом и посредством чувств, и другое дело, когда он созерцает «смыслы» («логосы»), которые находятся в этих вещах. Ведения этих «смыслов» удастаиваются только люди «чистые», тогда как постижение (καταλόησις) [чувственных] вещей посредством чувств присуще как «чистым», так и «нечистым». Это постижение и называется «преходящим попечением» (περισπασμὸν πρόσκαιρον), ибо Бог, промысля о страстной душе, даровал ей и чувства, и чувственные вещи, чтобы она, мысля и заботясь о них, избегала [лукавых] помыслов, внушаемых супротивниками. Под

Комментарии

«веком» подразумеваются «смыслы века» (τοὺς λόγους τοῦ αἰώνου), и это есть то Царство Небесное, которое внутри нас есть (Лк. 17, 21) и которое не находится людьми, ибо сокрыто от них их же страстями. См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Ecclésiaste*. P. 80–82. Ср. у св. Григория Нисского: «Век же, как понятие о чем-то протяженном (διαστηματικόν τι νόημα), обозначает собою все творение, происходящее в нем (πᾶσαν δὲ ἑαυτοῦ σημαίνει τὴν κτίσιν τὴν ἐν αὐτῷ γενομένην). Поэтому речь [Екклесиаста] обнаруживает посредством объемлющего [понятия] то, что объемлется [им]. Итак, все, что произошло в веке, Бог даровал сердцу человеческому ко благу, чтобы, восходя “от величия и красоты творей” (Прем. 13, 5), человек через них созерцал Творца» (*Святитель Григорий Нисский*. Точное истолкование Экклесиаста Соломонова. М., 1997. С. 157). Перевод исправлен по изданию: *Grégoire de Nysse. Homélie sur l’Ecclésiaste* / Ed. par F. Vinel // Sources chrétiennes. № 416. Paris, 1996. P. 430–432.

82 *Букв.:* ему, но подразумевается человек, отождествляемый с умом.

83 Эта фраза (ἐκ τοῦ κακιάτου) подразумевает вообще христианское трудничество и тяжкий труд аскезы иноков в частности. О таком трудничестве см. одно высказывание преп. Макария Египетского:

Комментарии

«Христианин не должен, как наемник или раб, искать удобного случая, чтобы отлынивать от тяжелой работы, но, как сын и наследник (Гал. 4, 7), с благим расположением и усердием служить [своему] Отцу до конца, чтобы потом стать наследником отцовского достояния». См. наш перевод: *Преподобный Макарий Египетский*. Новые Поучения // Символ. 1991. № 26. С. 249. Впрочем, несоблюдение должной меры в этом трудничестве может повлечь за собой искушения, о чем и предупреждает Евагрий.

84 Гармоничное созвучие боговедения и нравственного преуспеяния отмечают многие отцы Церкви, в том числе и св. Григорий Нисский: «Итак, поелику все, что согласно с естеством, любезно естеству, а музыка, как показано, согласна с нашим естеством, то посему великий Давид к любомудрому учению о добродетелях присоединил и сладкопение, в высокие догматы влив как бы некую сладость меда, при помощи которой естество наше некоторым образом изучает и врачует само себя» (*Святитель Григорий Нисский*. О написании псалмов. М., 1998. С. 11).

85 Вероятно, речь идет о том духовном ведении, которое даруется благодатью Божией. В святоотеческом богословии образ неопалимой купины довольно часто ассоциируется с подобным ведением. Ср., например, у того же св. Григория

Комментарии

Нисского: «Тогда это произошло с Моисеем, а теперь происходит с каждым, кто, как и он, освободился от земной оболочки и воззрел на свет из терновника — то есть на воссиявший нам во плоти, словно в терне, луч, который, по слову Евангелия, есть Свет истинный и сама Истина (Ин. 1, 9). И тогда человек становится таким, что может и других привести к спасению, уничтожить царящую во зле тиранию и освободить всех, кто подвластен отвратительному рабству» (*Святитель Григорий Нисский. О жизни Моисея Законодателя. М., 1999. С. 35*).

⁸⁶ Ср.: «Из помыслов одни случаются с нами, как с [просто] живыми существами, другие — как с людьми. Случающиеся как с [просто] живыми существами суть помыслы, [происходящие] от желательного и яростного [начал души]; случающиеся же как с людьми суть помыслы, [прористекающие] от печали, тщеславия и высокомерия. А помыслы, [возникающие] из уныния, суть смешанные: [они случаются с нами] и как с [просто] живыми существами, и как с людьми» (Творения аввы Евагрия. С. 125).

⁸⁷ Очень свободная аллюзия на Мф. 8, 22. Ср. толкование Евфимия Зигабена: «Христос удержал его, не запрещая почитать родителей, но научая, что не должно стремящемуся к небесному возвращаться к земному и, оставив животворное,

стремиться к мертвенному, или родителей предпочитать Богу. Он знал, что другие погребут мертвеца, а небезразлично будет, если тот оставит вещи более необходимые» (Толкование Евангелия от Матфея и Толкование Евангелия от Иоанна. С. 104). Для Евагрия, судя по всему, данное место Евангелия подразумевает, что все «человеческие» страсти (тщеславие и т. д.) представляют образ «мертвенного» и переходящего бытия.

- 88 Образ «неясытей (коршунов) и воронов» (*γυπῶν ἢ κοράκων*), вероятно, намекает на различные мучения грешников после смерти (возмездие им несут Ангелы). Ср. толкование Евагрия Притч. 30, 11 («око ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да исторгнут е вранове от дебрися, и да снедят е птенцы орли»): «Эти вороны, с одной стороны, таинственным образом питают праведных (*τοὺς μὲν δικαίους τρέφουσι μυστικῶς*), а с другой стороны, наказывают неправедных, вырывая у них очи неправедности (*τοὺς τῆς ἀδικίας ὀφθαλμοὺς ἐξορύττοντες*) за то, что они подвергли осмеянию Отца всяческих и не почитали изначальное ведение, породившее их (*τὴν γεννώσαν αὐτοὺς ἀρχαίαν γνώσιν*). Он (Соломон. — А.С.) называет воронами [Ангелов], исторгающих очи неправедного, а орлами — тех [из Ангелов], кто целиком съедают его: первым

Комментарии

- вверено частичное очищение, а вторым — очищение полное» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbs. P. 386*). Евагрий еще замечает: «Вороны суть святые Силы, губительные для порока, а птенцы орлов суть святые Силы, которым вверено низвергать долу нечистых» (*Ibid. P. 489*).
- 89 Отдаленный прообраз мысли, высказанной здесь Евагрием, встречается у Марка Аврелия, наметившего такой метод нравственного самоанализа: «При каждом поступке задавай себе вопрос: “Каково его отношение ко мне? Не придется ли мне раскаиваться в нем?” Ты будешь относиться с презрением к веселой песне, к танцам, ко всем видам борьбы, если разделишь всю мелодию на отдельные звуки и относительно каждого задашь себе вопрос: “Не перед ним ли я не могу устоять?» Ведь ты постыдишься же ответить утвердительно. Поступай соответственно этому с танцами, относительно отдельных движений и положений, равно как и с борьбой во всех ее видах. Помни же, что во всем, за исключением добродетели и ее действий, следует тотчас же переходить к рассмотрению частей и из расчленения черпать презрение к целому. Примени то же самое и ко всей жизни» (*Марк Аврелий. Размышления. Магнитогорск, 1994. С. 234*).
- 90 Данное беглое высказывание Евагрия об уме (*εἰκὼν ἐστὶ τοῦ Θεοῦ*) находится в общем русле

Комментарии

древнехристианской традиции, особенно традиции александрийского богословия. Разум (или ум) человека в качестве преимущественного образа Божия рассматривали св. Иринеи Лионский, Климент Александрийский и ряд других древнецерковных мыслителей первых трех веков. В полном созвучии с ними и св. Афанасий Великий отождествлял «по образу» (*κατ' εἰκόνα*) и разумное начало в человеке (*λογικός*); с ним был единоклубен св. Кирилл Александрийский и ряд других древних отцов. См.: *Burghardt W.J. The Image of God in Man according to Cyril of Alexandria. Woodstock, 1957. P. 25–39.*

- ⁹¹ Ср. одну мысль Евагрия в «Умозрительных главах», где он замечает, что духовное (умопостигаемое) обрезание есть добровольное удаление от страстей ради ведения Божиего. См.: *Les six centuries des «Kephalaia gnostica»*. P. 130–131.
- ⁹² Данная фраза (*φθαρήσεται μὲν ὁ λογισμὸς εἰς τὴν ἰδίαν ἀναλύμενος θεωρίαν*) предполагает, вероятно, что метод «духовного самоанализа», начертанный кратко Евагрием выше и составляющий одну из граней духовного ведения («гносиса»), приводит к уничтожению помысла «на его же собственной территории».
- ⁹³ Образ Давида, поразившего Голиафа, несколько в ином плане толкуется преп. Максимом, который считает, что «Духовный Давид есть

Комментарии

Господь наш Иисус Христос» и «Он — Тот, Кто поразил духовного Голиафа, то есть дьявола, ростом в пять локтей — вследствие пятичастной страстности нашего чувства, ведь до такой величины и роста возносится дьяволом порочность, до какой расширяется сила чувства в нас, посредством [внешних] ощущений приведенная в страстное состояние» (Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. II. С. 180–181). Впрочем, между этими двумя толкованиями образа Давида нет принципиальных расхождений, ибо для Евагрия подвижник является подражателем Христовым.

94 Эта мысль Евагрия о взаимоотношении трех «миров» (ангельского, человеческого и бесовского) буквально повторяется в одном из его Посланий и в «Умозрительных главах». Но она говорит не о познании человеком двух противоположных миров, а об его *активном воздействии* на эти миры, подобном их воздействию на мир человеческий. *Познания* же этих миров с помощью духовного зрения Евагрий отнюдь не отрицает, следуя в данном плане святоотеческой традиции. Ср. с учением преп. Макария Египетского, согласно которому мы нуждаемся в хорошем духовном зрении, чтобы видеть весь этот невидимый мир враждебных или дружественных духов, окружающих нас

Комментарии

и вмешивающихся в нашу внутреннюю жизнь. Он может быть видим только духовными очами. «Существует земля и отечество сатанинское, где живут и ходят по ней и отдыхают темные силы и духи злобы. Существует и светлая земля Божества, где ходят и почивают ополчения Ангелов и святых духов. Ни темная земля не может быть видима глазами этого тела или быть осязаема, ни светлая земля Божества не осязается или бывает видима плотскими очами, но у духовных лиц она видима оком сердца, как сатанинская темная, так и светлая Божества» (*Василий (Кривошеин), архиепископ. Богословские труды. 1952–1983. Нижний Новгород, 1996. С. 100*).

⁹⁵ Традиционное древнецерковное толкование этого места Священного Писания можно наблюдать у Оригена, который замечает: «Это пророчество весьма ясно показывает, что с неба ниспал тот, кто прежде был Денницею и восходил утром... Таким образом, и сатана был некогда светом и только потом совершил измену и ниспал в это место, и слава его обратилась в прах» (Творения Оригена. Вып. I. О началах. С. 63–64).

⁹⁶ Так цитирует Евагрий. На это же место Священного Писания (вместе с несколькими другими) ссылается и преп. Антоний Великий в поучении, передаваемом св. Афанасием,

Комментарии

и по поводу него замечает, что такими словами Господь обличает демонского князя. См.: *Святитель Афанасий Великий*. Творения. Т. III. С. 199.

⁹⁷ Подразумевается «редкость вещи» (*τῆν σπάνιν τοῦ πράγματος*), ибо, хотя по теории вероятности можно предположить, что какой-либо египетский анахорет мог стать константинопольским архиереем, но осуществление этой вероятности в действительности могло быть только исключительным явлением.

⁹⁸ Следует напомнить, что древнеегипетские иноки, по своему великому смирению, довольно часто отказывались от великой чести быть архиереями и иереями. Известно много случаев такого отказа, один из них — хрестоматийный, происшедший с Аммонием, отрубившим себе ухо и грозившимся отсечь язык, если священноначалие не оставит своих планов сделать его епископом. Недаром Евагрий, его друг, так отзывался об Аммонии: «Не видывал я человека бесстрашнее его». См.: Палладия, епископа Еленопольского, Лавсаик. Почаево-Успенская лавра, 1914. С. 27–29. Сам Евагрий, чтобы избежать тяжелой участи быть епископом Тмуисским, вынужден был покинуть на некоторое время Египет. См.: *Quatre ermits égyptiens d'après les fragments coptes de l'Histoire Lausiaque / Ed. par G. Bunge*

Комментарии

et A. de Vogüé. Abbaye de Bellefontaine, 1994. P. 162. Подобный отказ от столь высокой чести был связан, помимо искреннего и глубоко-го смиренномудрия, и с любовью к «исихии», а также с нежеланием погружаться в мирские дела — такое погружение является необходимым следствием всякого пастырского и архипастырского служения. См.: *Gould G. The Desert Fathers on Monastic Community. Oxford, 1993. P. 158.* В общий комплекс понятий, связанных с «исихией», входило и бесстрастие, ибо оно было завершением пути делания и очищения, так же увенчивая душу, как ведение («гносис») увенчивает ум. Без бесстрастия, согласно Евагрию, невозможно никакое боговедение и никакая молитва. См.: *Joest C. Op. cit. P. 35–36.*

- 99 В «Антирретике» Евагрий также говорит, что если мы будем верить во Христа и соблюдать Его заповеди, то перейдем Иордан и получим «град Фиников». См.: *Frankenberg W. Op. cit. S. 473.* Исход ветхозаветного народа из Египта для Евагрия символизирует исход из порока и достижение все более и более высоких ступеней духовного преуспевания. Одна из этих ступеней — «град Фиников», т. е. Иерихон. Под «иноплеменниками» (*τῶν ἀλλοφύλων*), т. е. под филистимлянами, Евагрий понимает темные силы. Так, в «Умозрительных главах»

Комментарии

он замечает, что Царство Небесное, которое «внутри нас есть», представляет собой созерцание сущих; а если это «внутреннее Царство» занято бесами, то символически на это намекается в Священном Писании, где повествуется, что филистимляне заняли землю обетованную. См.: *Les six centuries des «Kephalaia gnostica»*. P. 180.

- ¹⁰⁰ Эти слова (*τὸν οἰκονόμον καὶ φιλόπτωχον ὑποκρίνεται*) указывают, помимо всего прочего, и на тот факт, что древним инокам, известным своей нестяжательностью, довольно часто давались значительные суммы денег благодетелями для раздаяния, по их усмотрению, бедным. Естественно, что это бывало иногда причиной искушений. Поэтому Евагрий в другом своем сочинении увещевает: «Не пожелай иметь богатство для раздаяния бедным. Ибо и это есть лесь лукавого, часто приступающего [к подвижнику] и предлагающему [его] уму поводы для многозаботливой суетности (*εἰς πολυπραγμοσύνης αἰτίας ἐμβάλλουσα τὸν νοῦν*)» (Добротолюбие. Т. 1. С. 592. Текст немного исправлен по изданию: PG 40, 1256).

- ¹⁰¹ Связь сребролюбия и тщеславия не раз отмечалась Евагрием. Так, в «Антирретике» он замечает, что следует прочитывать Притч. 22, 1, «прекословья» помыслу тщеславия, который требует от богатства [плотского] успокоения

Комментарии

- и [мирской] славы (*ἀνάπαισιν καὶ δόξαν*). См.: *Frankenberf W.* Op. cit. S. 499.
- ¹⁰² Ср.: «Не отдавай сердца своего гордыне и не говори пред лицом Божиим: силен я, — дабы Господь не оставил души твоей и лукавые бесы не смирили бы ее. Ибо тогда враги через воздух наведут ужас на тебя, явив тебе страшные ночи» (Творения аввы Евагрия. С. 133).
- ¹⁰³ Ср.: «Бес гордыни есть тот, кто ввергает душу в самое тяжкое падение. Он убеждает ее не признавать Бога Заступником, но считать саму себя за причину преуспеваний, превозносясь над братьями, как несмысленными, поскольку они этого не знают. За гордыней следует гнев, печаль и, как самое конечное зло, исступление ума, сумасшествие и видение в воздухе множества бесов» (Творения аввы Евагрия. С. 98–99).
- ¹⁰⁴ См.: Мф. 22, 2–7. Преп. Макарий, разъясняя эту притчу Господа, говорит, что здесь речь идет о приглашении на небесный и духовный пир (*ὁ δὲ γάμος ἐκεῖνος οὐράνιος καὶ πνευματικός ἐστιν*), где жених — дух, невеста — дух, служители — духи и вообще все духовно. См.: *Makarios / Symeon.* Reden und Briefen. Bd. II. S. 213–214.
- ¹⁰⁵ Ср. поэтические строки св. Григория Нисского: «Вы, которые, по совету Павла, как нечистого какого одеяния, *совлеклись ветхаго человека*

Комментарии

с деяниями и похотями его (Кол. 3, 9) и чистотою жизни возложили на себя светлые одежды Господа, какие показал Он на горе Преображения, лучше же сказать, облечены в Самого Господа нашего Иисуса Христа, в Его ризу — любовь и сообразуетесь Ему в бесстрастии и во всем Божественном, выслушайте тайну Песни песней, войдите во внутренность чистого брачного чертога, убеленные чистыми и нескверными мыслями, чтобы кому-либо, привлекая за собою страстный и плотский помысл и не имея на себе одеяния совести, приличного Божественному браку, не быть связанным собственными своими помыслами и, чистые гласы Жениха и невесты низведя до скотских и неразумных страстей, а через них покрыв себя срамными представлениями, не быть изверженным из сонма веселящихся на браке, радость брачного чертога обменяв на скрежет зубов и на плач» (*Святитель Григорий Нисский*. Точное изъяснение Песни песней Соломона. М., 1999. С. 15–16).

- ¹⁰⁶ Брачные образы и символы довольно часто встречаются у Евагрия, который в духе Оригена, св. Григория Нисского, преп. Макария Египетского и др. дает им возвышенное (анагогическое) и духовное толкование. См.: *Driscoll J. Spousal Images in Evagrius Ponticus // Studia Monastica. V. 38. 1996. P. 243–256*. Такое толкование,

Комментарии

развившееся на основе церковного изъяснения «Песни песней», играет в его мирозерцании немалую роль. Можно привести одно из подобных толкований: «Очи дев узрят Господа, уши их услышат слова Его. Уста дев поцелуют Жениха Его. Обоняние дев почувствуют благоухание благовоний Его. Девственные руки прикоснутся к Господу, и непорочная чистота плоти [дев] будет благоприятна [Ему]. Душа девы украсится венцом и будет всегда жить с Женихом своим. Одевание духовное будет дано ей, и вместе с Ангелами на небесах будет праздновать она. Неугасимо будет гореть лампада ее, и масло не истощится в сосудах ее. Богатство вечное получит она и унаследует Царство Божие» (Творения аввы Евагрия. С. 141). Не случайно Евагрию принадлежит сочинение «Подражание Песни песней», которое раньше было известно только в переводе на арабский язык, но фрагменты греческого подлинника были обнаружены только недавно. См.: *Gehin P.* *Evagriana d'un manuscrit basilien // Le Muséon.* Т. 109. 1996. Р. 71–73.

- ¹⁰⁷ Евагрий ссылается на свое «Слово о молитве» (особенно на гл. 55–57, 67–68, 70, 112, 115), которое ошибочно приписывалось в некоторых рукописях преп. Нилу. См.: Творения аввы Евагрия. С. 76–93.

- 108 Отшельничество, согласно Евагрию, само по себе требует весьма высокой степени духовного преуспеяния: «Отшельничество сладостно после извержения страстей: тогда остаются только чистые воспоминания, и [духовная] брань готовится монаха уже не к подвижничеству, а к созерцанию». Также: «Отшельничество, соразмерное любви, очищает сердце, а отшельничество, сопровождаемое ненавистью, приводит его в смятение» (Творения аввы Евагрия. С. 102, 129). В данном случае, как и в ряде других, Евагрий развивает мысли св. Василия, который определяет отшельничество так: «Удаление от мира (*κόσμον δὲ ἀναχώρησις*) состоит не в том, чтобы телом быть вне мира, но чтобы душою оторваться от пристрастия к телу («сочувствия к телу» — *πρὸς τὸ σῶμα συμπάθειας*), не иметь у себя ни города, ни дома, ни собственности, ни товарищества, быть нестяжательным, не беспокоящимся о средствах жизни, беззаботным, избегающим всякого сношения с людьми, не знающим человеческих правил («научений» — *διδασκῶντων*), готовым принимать в сердце отпечатления, накладываемые божественным учением (*τὰς ἐκ τῆς θείας διδασκαλίας ἐγγινόμενας τυπώσεις*)» (Свт. Василий Великий. Письмо 2, 2 // Свт. Василий Великий. Творения. Т. 2. С. 443. Текст: ΒΑΣΙΛΕΙΟΣ Ο ΜΕΓΑΣ.

ΜΕΡΟΣ Ε΄ // ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ ΕΛΛΗΝΩΝ ΠΑΤΕΡΩΝ
ΚΑΙ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΩΝ ΣΥΓΓΡΑΦΕΩΝ. Τ. 55.
ΑΘΗΝΑΙ, 1977. Σ. 13).

- 109 Так, думается, лучше переводить данную фразу (*γίνονται γὰρ καὶ ἐκστάσεις ἀπὸ τοιοῦτων παθῶν*). Ср. одно изречение Евагрия: «Помешательство (*ἐκστασις* — у свт. Феофана: “обморок”) есть склонение разумной души опять на зло после успехов в добродетели» (Добротолюбие. Т. 1. С. 599. Текст: PG 40, 1265).
- 110 В данном случае (*ἀνεπάνακτον λήθην*), как и чуть выше, где Евагрий говорит о «трясине забвения» (*βάραθρον λήθης*), он подразумевает «зазорное забвение». О таком же забвении высказывается и преп. Макарий Египетский (часто употребляющий, правда, термин *λήθη* и в позитивном смысле), который замечает, что мы часто, вследствие неведения, лености, нерадения и забвения, меняем ценную и умную сущность души, более достойную любви и более значительную, чем всякая видимая и невидимая тварь, на прокаженные (*λεπροῖς*), несчастные и тленные материальные вещи. См.: *Pseudo-Macaire. Oeuvres spirituelles*. Т. I. P. 276–278. Подобного рода забвение предполагает, возможно, и забвение опыта благодати у тех, которые стяжали его, а затем испытали своего рода «ниспадение» с духовного уровня на душевный и возымели

Комментарии

стремление погрузиться в несуществующий призрак прошлого, т. е. возымели, подобно жене Лота, страстное желание оглянуться назад, забыв о неумалимом законе духовной жизни, повелевающем идти только вперед.

- ¹¹¹ Палладий описывает двух таких монахов. Один из них — Валент; он был родом из Палестины, а по духу — коринфянин (τῆ δὲ γνώμῃ Κορίνθιος), ибо святой Павел упрекал коринфян за страсть превозношения. Этот Валент прожил много лет в пустыне, пока не был прельщен бесом гордыни и возомнил, что общается с Ангелами. В результате он пал до того, что увидел дьявола, принявшего обличье Спасителя, — после этого Валент отказался причащаться, считая себя выше этого (ἐγὼ κοινωνίας χρείαν οὐκ ἔχω; τὸν γὰρ Χριστὸν ἐώρακα σήμερον). Другой же инок по имени Герон, воспитанный юноша из Александрии, умственно даровитый и проводящий чистую жизнь (εὐφυῆς τὴν διάνοιαν, καθαρὸς τὸν βίον), также впал в аналогичную прелесть: после доблестных подвигов он возомнил о себе много и пренебрег руководством отцов; нагло он вел себя и в отношении блаженного Евагрия (ὑβρίσας καὶ τὸν μακάριον Εὐάγριον), говоря, что наущение этого аввы его не убеждает, поскольку не следует внимать никаким другим учителям, кроме Христа. Среди иноков Герон выделялся

Комментарии

необыкновенным постничеством и подвижничеством, но затем покинул пустыню, предался разгульной жизни в Александрии и лишь перед смертью покаялся. См.: *The Lausiatic History of Palladius*. V. II. P. 79–82.

- 112 В древнемонашеской письменности (особенно египетской) довольно часто встречаются рассказы о том, как бесы принимают обличье эфиопов. См., например, повествование об авве Ираклие, который, вкусив пищу после захода солнца, «пошел спать на свою рогожу и видит, что на ней лежит эфиоп и скрежещет на него зубами» (*Достопамятные сказания*. С. 70).
- 113 Это высказывание Евагрия несколько напоминает воззрения древних стоиков о представлении (*φαιτασία*). Для стоиков оно — «отпечаток в душе, то есть некоторое изменение в ней»; причем «не следует понимать “отпечаток” как и след печати, оставляемый на одном и том же месте в одно и то же время» (*Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 284). Правда, у Евагрия речь идет об «умопредставлениях, мыслях» (*τὰ νοήματα*), которые мы здесь сочли возможным перевести как «представления».
- 114 Об этом говорится скорее в гл. 2 данного сочинения. Возможно, изначальная структура его была несколько иной.

- ¹¹⁵ Данная мысль Евагрия (ὁξύτατος ὢν κατὰ τὴν κίνησιν ἡμῶν ὁ νοῦθ) находит отклик у преп. Иоанна Кассиана Римлянина: «Ум определяется как “приснодвижный и быстроподвижный” (νοῦς itaque, id est mens, ἀεικίνητος καὶ πολυκίνητος definitur, id est semper mobilis et multum mobilis)... Он по состоянию природы своей никогда не может быть праздным, и если кто намеренно не будет упражнять его известными действиями и постоянно занимать его ими, то необходимо ему по своей подвижности двигаться в разные стороны и повсюду летать (propria mobilitate discurrere et per omnia volitare) до тех пор, пока он через долговременное упражнение и употребление не узнает, какие предметы должно впечатлеть в своей памяти, пока долговременным занятием не приобретет крепость и таким образом будет в состоянии отражать противные внушения врага, которыми развлекался, и пребывать в том состоянии и качестве, какого желает» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. С. 282. Перевод несколько исправлен по изданию: Jean Cassien. Conférences. T. I / Ed. par E. Pichery // Sources chrétiennes. № 42. Paris, 1955. P. 248*).
- ¹¹⁶ Под этим «надсмотрщиком» (τὸν κακὸν ἐκεῖνον ἐργοδιώκτην) следует понимать, скорее всего, одного из бесов. Возможно, здесь глухая ссылка на Исх. 5, 6 и далее. В одном из посланий

Комментарии

преп. Нила (если, конечно, оно принадлежит ему, а не Евагрию) говорится, со ссылкой на это место Священного Писания, об избавлении нас (т. е. «духовного Израиля») от власти египтян и жестокого фараона. И как разъясняется далее, под фараоном следует понимать человеконенавистника и человекоубийцу дьявола, Египет необходимо толковать как порочность или грех (*ἡ φαυλότης, καὶ ἡ ἁμαρτία*), а под египетскими надсмотрщиками — бесов (*ἐργοδιώκται οἱ δαίμονες*). См.: PG 79, 512. Ср. также толкование св. Кирилла Александрийского: «Удалившись как бы от земли святой, от боголюбезной жизни, и перешедши в постыднейшую и нелепейшую, едва не находящуюся под властью дьявола, мы уподобляемся перешедшим из Ханаана в Египет и находящимся под властью фараона и египтян, которые, неразумно предаваясь служению демонскому и имея всякий вид порочности, могли бы представлять в себе образ самого сатаны и подчиненных его, которых и богами именовали, удалившись от наилучших помыслов и недугуя тьмою и мраком невежества. Когда же мы подчинились ужасному и незаконному владыке, то есть сатане, то были изнуряемы работою над глиною и кирпичами, то есть земными и на земле производимыми гнуснейшими занятиями, не без труда совершаемыми. Ибо

Комментарии

несвободны от трудов, хотя и суетны, конечно, развлечения сей жизни. Приставниками же как бы дел, наиболее ему любезных, над терпевшими от него обиду сатана поставил нечистых демонов, или подчиненные ему силы, которые многообразною силою страстей обременяют ум каждого из живущих на земле, боясь, думаю, того, как бы они, обратив к Богу праздный взор ума, не освободили выю свою от рабства ему; потому что естество человеческое очень свободолюбиво» (Творения святителя Кирилла, Архиепископа Александрийского: В 3 кн. Кн. 2. М., 2001. С. 245–246).

¹¹⁷ Так, думается, лучше переводить эту фразу (*τινὰ τῶν ἐν ταῖς φύσεσιν ἐξείρησαν ἐκ τῶν πραγμάτων*). Вероятно, речь идет о «ведении, привходящем к нам извне», о котором Евагрий в другом своем сочинении говорит: «Ведение, привходящее к нам извне, пытается представить материальные [вещи] посредством смыслов («логосов») [их]; ведение же, рождаемое благодатью Божией, представляет вещи непосредственному узрению мысли, и ум, взирая на них, воспринимает и смыслы («логосы») их» (Творения аввы Евагрия. С. 113).

¹¹⁸ Эта фраза Евагрия является своего рода «программным высказыванием» его как церковного писателя и богослова. Такая апелляция

Комментарии

к сердцу читателя (*ἐμῇ δὲ ἀπόδειξις ἐν τοῖς πλείοσιν ἢ ἀναγινώσκοντος ἐστὶ καρδία*) показывает, что довольно распространенное представление об «интеллектуализме» Евагрия является не более чем, как элементарным заблуждением. И когда встречаются высказывания, что он тяготел к «чисто интеллектуальной абстракции» (to pure intellectual abstraction) и что такое тяготение представляло опасность для христианской чистоты сердца (см.: *Behr-Sigel E. The Place of the Heart. An Introduction to Orthodox Spirituality. Torrance, 1992. P. 64*), то подобные высказывания вряд ли вообще можно отнести к Евагрию. Обращение же его к духовному опыту читателей, особенно к опыту *монашескому* (*εἰ συνετὴ εἶη καὶ τοῦ μοναδικοῦ βίου πεπειραμένη*), показывает, что Евагрий и в этом нюансе своего учения был подлинным учеником преп. Макария, который особенно акцентировал значение духовного опыта для боговедения и стяжания христианских добродетелей. См.: *Сидоров А.И. Преподобный Макарий Египетский и проблема «Макарьевского корпуса» // Альфа и Омега. 1999. № 4 (22)б. С. 164.*

- 119 Данное рассуждение Евагрия можно сравнить с антропологическими воззрениями Аристотеля, согласно которому «из чувственных душевных деятельностей восприятие (*αἴσθησις*)

Комментарии

есть изменение, которое производится в душе воспринятым через посредство тела и которое, выражаясь точнее, состоит в том, что воспринимаемому сообщается форма воспринятого» (Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М., 1913. С. 189). Правда, у Евагрия наличествует иная терминология: у него речь идет об умопредставлениях (*τὰ νοήματα*), возникающих посредством тела (*διὰ τοῦ ὀργανικοῦ σώματος*), которое переносит *внешний вид* (*ἢ μορφή*) вещи в ум, делая здесь его *образом* (*τὴν εἰκόνα*).

¹²⁰ Под «орудием» (*τὸ ὄργανον*) подразумевается, естественно, тело. Подобное сравнение тела с орудием, восходящее к античной философии, часто использовалось в александрийском богословии (у Климента и Оригена), причем не только в антропологии, но и в христологии (человечество Христа как «орудие» Его божества). См.: Metzger W. *Fer Organogedanke in der Christologie der griechischen Kirchenväter. Seine Herkunft aus der griechischen Philosophie und seine Bedeutung bei den Vätern bis Eusebius von Casarea*. Münsterschwarzach, 1968. S. 74–171.

¹²¹ В одном из своих посланий (25-м) Евагрий говорит о помыслах (*Gedanken*), которые исходят из сердца и пачкают ум, — если в наших мыслях совершается соизволение на такие нечистые помыслы, то затем происходит и склонение

Комментарии

ко греху. Такое мысленное соизволение также, согласно Евагрию, можно считать грехом. При этом он ссылается на некоторые места Священного Писания, и в том числе и на Мф. 5, 28. См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste. S. 236.*

- ¹²² Евагрий использует термин *τὰ παραπτώματα*, который «более мягок», чем термин грех (*ἡ ἁμαρτία* или *τὸ ἁμαρτήμα*), хотя оба эти термина в древнецерковной письменности довольно часто выступают и как синонимы.
- ¹²³ Ср.: «Бесовский помысел есть возникающий в мысли образ воспринимаемого чувствами человека; приведенный этим помыслом в состояние страстного возбуждения ум втайне [начинает] говорить и поступать беззаконно, изгоняемый [из себя] этим помыслом навстречу случайному призраку» (Творения аввы Евагрия. С. 125).
- ¹²⁴ Под «различением» (*διάκρισις*) следует понимать способность высшего духовного рассуждения, включающую «различение духов», различение добра и зла, различение помыслов и т. д. Поэтому не случайно в сочинении «О восьми злых помыслах», приписываемом преп. Нилу (авторство его остается пока спорным), говорится: «Различение есть корень, глава и связь всякой добродетели» (PG 79, 1468). Евагрий,

Комментарии

- высказываясь о «ведении различения» (*γνώσιν διακρίσεως*), подчеркивает, вероятно, совокупность многообразных аспектов этого высочайшего дара Господа.
- ¹²⁵ Связь блаженства и боговедения («гносиса») была и до Евагрия намечена в александрийской традиции. Ср. у Оригена: «Ведь не с намерением перед нами похвалиться Бог желает обнаружить перед нами и внушить нам Свое неизмеримое величие; но из намерения привить нашим душам блаженство, состоящее в познании Его, Он устраивает так, чтобы через Христа и Слова, остающиеся вечно с нами, мы вступили во внутреннее общение с Ним» (Против Цельса: Апология христианства. Сочинение Оригена, учителя Александрийского / Пер. с греч. Л. Писарева. М., 1996. С. 265).
- ¹²⁶ Два последних предложения составляют одну главу (I, 85) «Умозрительных глав» Евагрия. См.: *Les six centuries des «Kephalaia Gnostica»*. P. 55–57. Они же повторяются и в одном из посланий (43-м) Евагрия. См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste*. S. 258.
- ¹²⁷ Почти буквальное повторение этих слов см.: Творения аввы Евагрия. С. 120. Данное учение Евагрия получило развитие в последующей святоотеческой традиции. Ср.: «Теперь

Комментарии

начнем рассуждать об отречениях, коих также три, как это подтверждается и Преданием отцов, и свидетельством Священного Писания, и кои каждый из нас должен совершить со всем тщанием. Первое их них есть то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе — то, в коем оставляем прежние нравы и порочные страсти, как телесные, так и душевные; третье — то, в коем, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, созерцаем только будущее и желаем невидимого» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. С. 208*). Также: «Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей; второе есть отречение от своей воли; а третье — отвержение тщеславия, которое следует за послушанием» (*Преподобнаго отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 12*).

128 О подобных ночных кошмарах Евагрий еще говорит: «Когда [бесы] приводят [во сне] в смятение яростное начало [души], то заставляют [нас] шествовать [труднодоступными] горными путями, наводят [на нас] вооруженных мужей, ядовитых [змей] и плотоядных зверей. Мы же, устрашаемые [этими] путями, пустившиеся

Комментарии

в бегство перед зверями и [вооруженными] мужами, должны позаботиться о яростной части [души] и, призывая в бдениях Христа, употребить [все те] лекарства, о которых речь шла выше» (Творения аввы Евагрия. С. 105).

¹²⁹ Данная фраза (*ἐπὶ πλείστον ταπεινώσαι βουλόμενοι*), в которой используется глагол *ταπεινῶω* («смирять», но также и «унижать»), показывает, что есть «смирение от Бога», но есть и «смирение от лукавого», т. е. унижение человека, низведение его до скотского состояния.

¹³⁰ Ср.: «Вкушай хлеб свой, отмеривая на весах, и мерою пей воду свою — тогда дух блуда убежит от тебя» (Творения аввы Евагрия. С. 135). Евагрий и в данном случае является истинным учеником великих египетских старцев, и в частности преп. Макария Александрийского, который некогда сказал ему такие слова: «Будь мужественным, сын [мой]: целые двадцать лет не вкушал я до сытости ни хлеба, ни воды, ни сна. Ибо хлеб я ел, отвешивая [малый кусок]; воду пил, отмеривая [малой] мерой, а малую толику сна урывал прислонившись к стене» (Там же. С. 111). О данной живой связи Евагрия с преп. Макарием Александрийским, а, соответственно, и о связи их аскетического учения см.: *Driscoll J. The «Ad Monachos» of Evagrius*

Ponticus. Its Structure and a Select Commentary. Romae, 1991. P. 127–128.

131

Древние подвижники высоко ценили книгу псалмов Давида и знали ее великую силу в духовной брани. И они бы вполне согласились с такой характеристикой Псалтири: «Эта дивная книга есть один сплошной и непрерывный гимн хвалений и славословий Богу, гимн, полный глубокого религиозного поучения, пророчесственного знаменования и непритворно искреннего, пламенного чувства. Как в зеркале, в Псалтири отражается вся душа человеческая с ее нуждами и печальями, радостями и упованиями, вся жизнь наша с ее суетой и страданиями, утехами и озлоблениями, — эта вечная борьба бессмертного духа, стремящегося к небу, к совершенству, святости, к своему Первоисточнику и Первообразу — Богу, но одолеваемого плотию со всеми ее низменными страстями и вожделениями. Нет такого душевного состояния и движения, которое не нашло бы себе отголоска в книге Псалмов, — тут отражение всех наших мыслей и чувствований, тут все родное, близкое душе нашей, тут все свое и свойственное нам, — поистине это песнь души нашей, всестороннее отражение разверстого поэтического взору боговдохновенного мудреца сердца человеческого». Поэтому, как и все христиане

Комментарии

- (а до них — богоизбранный ветхозаветный народ), «святые подвижники и угодники Божии утешались и укреплялись пением псалмов» (Царевский А. О священной поэзии православного христианского богослужения // Православный собеседник. 1902. Ч. I. С. 399–400).
- ¹³² Толкуя Притч. 3, 24–25, Евагрий говорит: «Из этих слов мы узнаем, что милостыня (*ἡ ἐλεημοσύνη*) уничтожает страшные видения (*φαντασίας*), случающиеся ночью. Это же делают кротость, негневливость и долготерпение, а также все [добродетели], которым присуще унимать яростное [начало души]. Ибо страшные призрачные видения (*τὰ φοβερὰ φάσματα*) обычно происходят от того, что яростное [начало нашей души] приводится в смятение [бесами] (*ἐκ τῆς ταραχῆς τοῦ θυμοῦ*)» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes. P. 130*).
- ¹³³ Эта фраза (*σχῆμα ποιμαντικὸν περιχέμενον καὶ νέμοντα ποιμνιον*) может указывать, с одной стороны, на служение духовника, старца, который в древней Церкви далеко не всегда имел священнический сан. Обозначение такого старца как «пастыря» (*ποιμήν*) встречается в святоотеческой письменности (например, у преп. Иоанна Лествичника). См.: *Смирнов С. Духовный отец в древней восточной Церкви. Ч. I. Сергиев Посад, 1906. С. 8.* Разумеется, такое старческое

Комментарии

служение могло совмещаться и со священническим служением.

¹³⁴ В другом своем сочинении Евагрий описывает действие помысла тщеславия следующим образом: «Он [заставляет монаха] воображать, как кричат [изгоняемые из одержимых] бесы, как исцеляются женщины и как толпа прикасается к [его] одеждам; затем прорицает ему священство и [массу народа], стоящую у дверей и жаждущую [увидеть] его. И возбудив таким образом [монаха] пустыми надеждами, [помысл тщеславия] улетает, оставив его на искушения либо бесу гордыни, либо бесу печали, который наводит на монаха помыслы, противоположные [прежним] надеждам» (Творения аввы Евагрия. С. 98).

¹³⁵ Образ такой «лестницы» употреблялся в древнецерковной письменности уже св. Ипполитом Римским, который, сравнивая Церковь с кораблем, говорит: «Лестница же на ней, возводящая на высоту к мачте, — это образ знамения страсти Христовой, тот образ, который влечет верующих к восхождению на небеса» (*Святитель Ипполит Римский*. Творения. Вып. 2. Сергиев Посад, 1997. С. 40).

¹³⁶ Что конкретно подразумевается под этими «часами» (*τὰς τῶν συνάξεων ὕρας*), сказать трудно. Возможно, это были общие молитвенные

Комментарии

собрания братий ночью, ибо в пустыне Келлий «на ночные молитвы братия должны были собираться в определенный час, каждый должен был хранить глубокое молчание и внимать сказанному» (*Казанский П.С.* История православного монашества на Востоке. Т. II. С. 69–70). Но, возможно, это были те богослужения, которые исполняли иноки (особенно в Скиту) каждый в своей келлии; они состояли преимущественно в псалмопении и молитвах. См., например, одно изречение: «Сказал авва Исидор, пресвитер Скитский: я, когда был юн, и сидел в келлии моей, не знал меры богослужению (*μέτρον συνάξεως οὐκ εἶχον*), ибо ночь и день проводились в богослужении (*ἡ νύξ μοι καὶ ἡ ἡμέρα σύναξις ἦν* — *букв.:* ночь и день мои были богослужением) (Древний Патерик, изложенный по главам. С. 215. Текст: ΤΟ ΓΕΡΟΝΤΙΚΟΜ ΗΤΟΙ ΑΠΟΦΘΕΓΜΑΤΑ ΑΓΙΩΝ ΓΕΡΟΝΤΩΝ. ΑΘΗΝΑΙ, 1970. Σ. 50. Сам Евагрий в сочинении «К монаху Евлогию» по поводу таких богослужений говорит: «Когда нападает на тебя дух уныния, тогда подаст он душе мысль, что псалмопение обременительно, и противоборником тщательности противопоставляет лень, чтобы, усвоив псалмопение, дать плоти отдых, напоминая о том, что по какой-то причине она утомлена. Поэтому, когда бываем на бдении ночью, не будем во время службы (*τὴν*

Комментарии

σύνταξιν) по унынию садиться, чтобы не пришли демоны, не собрали плевелы помыслов и не посеяли их в сердце. Ибо как скоро потеряем связь псалмопений, собираем сонмище помыслов. Проснувшись перед службою (πρὸ συνάξεως), займем сердце помыслами светлыми, чтобы приготовиться с бодрственной мыслию предстоять на псалмопении» (Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 138. Текст: PG 79, 1104). Поэтому здесь вряд ли речь идет о *Литургии* в нашем понимании слова, а поэтому некорректным представляется суждение, что в Келлиях «Литургия носила название “синаксис” (греч. σύνταξις)» (Желтов С.М. Богослужение египетского монашества // История египетских монахов. М., 2001. С. 111).

137

Ср.: «Ангельское сновидение радует сердце, а сновидение бесовское приводит его в смятение» (Творения аввы Евагрия. С. 132). В сочинении «О восьми лукавых духах» (опять же неверно приписываемом преп. Нилу) Евагрий замечает: «Возмущающие сны видит раздраженный; и нападения зверей мечтаются гневливым. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов и непамятозлюбивый упражняется в духовных словесах, ночью приемлет разрешения таин» (Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 127).

- ¹³⁸ Как отмечают издатели, текст в этом месте во многих рукописях, возможно, несколько испорчен.
- ¹³⁹ Одна из «Умозрительных глав» (II, 6) представляет собой буквальное повторение этих слов Евагрия. Естественно, он предполагает волевое усилие человека, без которого невозможно достижение бесстрастия, а это волевое усилие немислимо без содействия Божиего. О подобной *синэргии* один современный подвижник сказал так: «Бог по природе благ и всегда хочет нам добра. Однако нужно, чтобы хотели и мы. Потому что человек духовно летит при помощи двух крыльев: воли Божией и воли собственной. Одно крыло — Свою волю — Бог навсегда приклеил к одному из наших плеч. Но для того, чтобы лететь духовно, нам тоже нужно приклеить к другому плечу свое собственное крыло — волю человеческую. Если человек имеет сильную волю, то у него есть человеческое крыло, равнодействующее с крылом божественным, и он летит» (Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Т. II. М., 2001. С. 120–121).
- ¹⁴⁰ Подразумевается, скорее всего, Святой Дух. Св. Афанасий, толкуя Пс. 67, 14, говорит, что всем подлинно уверовавшим в Господа «даны будут *крыле голубине* с позлащенными *междо-рами*». Разумеет же, что приавшие святых

апостолов сподобятся Духа Святаго. Междо-
рамия же голубиная называет позлащенными,
потому что умы приявших соделает многоцен-
ными, т. е. мудрыми» (*Святитель Афанасий
Великий*. Творения. Т. IV. С. 221).

- 141 В схолии на Пс. 54, 7, приписываемой Ориге-
ну, но принадлежащей, скорее всего, Евагрию,
замечается: «Крылья Святого Голубя есть соз-
ерцание телесных и нетелесных [сущностей];
вознесшись посредством этого созерцания (δι'
ἧς ὑψώθεις), ум почивает в ведении Святой Тро-
ицы» (ΟΡΙΓΕΝΗΣ. ΜΕΡΟΣ Η' // ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ
ΕΛΛΗΝΩΝ ΠΑΤΕΡΩΝ ΚΑΙ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΩΝ
ΣΥΓΓΡΑΦΕΩΝ. Τ. 16. ΑΘΗΝΑΙ, 1958. Σ. 35).
- 142 Данная глава практически полностью повторя-
ется в 17-м послании Евагрия, где он, кстати,
отмечает, что «путь», о котором здесь говорит-
ся, есть путь Господа (со ссылкой на Ин. 14, 6)
и, идя по нему, следует перенимать «опыт хо-
ждения» тех святых, которые раньше шествовали
им и торили этот путь, а соответственно, быть
учениками их. См.: *Evagrius Pontikos*. Briefe aus
der Wüste. S. 229–230.
- 143 Об этих помыслах ропота (у Евагрия множе-
ственное число — γογγυσμῶν λογισμούς) довол-
но редко говорится в святоотеческих аскети-
ческих творениях, но преп. Макарий говорит,
что признаками тех, кто не творит плода жизни

Комментарии

- вечной, являются: уныние, превозношение (*μετεωρισμός*), суетная разборчивость (*περίβλεψις*), легкомыслие (*ἀπροσεξία*), ропот и т. д. *Makarios / Symeon. Reden und Briefen. Bd. II. S. 3.*
- ¹⁴⁴ Другими словами, Пс. 139, 5–6 относится к помыслам, которые «близ пути», а Пс. 141, 4 — к помыслам, которые «на пути».
- ¹⁴⁵ Первая часть этой главы буквально повторяется в 18-м послании Евагрия. См.: *Briefe aus der Wüste. S. 230–231.*
- ¹⁴⁶ Учение о естественном нравственном законе было намечено в Священном Писании и раскрыто отцами Церкви. Особенно «христианские подвижники, всю жизнь проводившие в борьбе со страстями и другим дававшие уроки этой борьбы, уже в этом находили естественное побуждение заниматься вопросом об отношении прирожденного нравственного закона к противонравственным влечениям человеческой природы. По их учению, нравственный закон в душе человека представляет собою явление более естественное, чем противные ему страсти, в силу, так сказать, прав своего первородства. Бог, как Существо благое, не мог быть виновником злых противонравственных страстей. Поэтому в первозданной природе человека побуждения к добру, или естественный нравственный закон, имели решительное

Комментарии

преобладание; а те силы, которые так властно влекут теперь нас ко злу, явились уже после грехопадения, как извращение первоначально добрых стремлений» (*Попов И.В.* Естественный нравственный закон. Сергиев Посад, 1897. С. IV–V).

- ¹⁴⁷ Ср.: «Благому помыслу противостоят два помысла: бесовский и помысел от злого произволения. Лукавому же помыслу противостоят три помысла: естественный помысел, помысел от правого произволения и помысел, [внутренний] Ангелом» (Творения аввы Евагрия. С. 126).
- ¹⁴⁸ Эта мысль Евагрия буквально повторяется в «Умозрительных главах» (Творения аввы Евагрия. С. 120).
- ¹⁴⁹ Опять же, почти буквальное повторение этой мысли можно наблюдать в двух сочинениях Евагрия: «Схолиях на Книгу Притч» и «Умозрительных главах». См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes*. P. 152–155; *Les six centuries des «Kephalaia gnostica»*. P. 36–37. Она также запечатлевается, с небольшими изменениями, и в двух посланиях (43-м и 59-м) Евагрия, где он делает вывод, что подобная «онтологическая вторичность» зла (порока) дает нам возможность избавиться, с помощью Божией, от него. См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus*

Комментарии

der Wüste, S. 258, 279. В связи с этим может возникнуть предположение, что Евагрий намекает здесь на еретическую теорию «апокатастасиса», осужденную на Пятом Вселенском Соборе. Однако подобное предположение вряд ли имеет под собой реальные основания. В фразе, что порок (*κακία*) перестанет существовать (*ἔσται ὅτε οὐκ ἔσται*), содержится только мысль о торжестве *нравственного добра* над *нравственным злом*, но ничего не говорится о *возвращении всего* к своему исходному состоянию, а тем более не подразумевается идея обращения дьявола. Для Евагрия, как и для всех церковных писателей и отцов Церкви, зло не имеет подлинного онтологического характера, а обретает свое бытие (а точнее, некое *лже-бытие*) посредством свободной воли разумных тварей. Всеобщий Суд, вечное заключение дьявола, темных сил и нераскаявшихся грешников во аде пресекают всякую возможность злой воле их реализовать и обрести указанное *лже-бытие*. Вернее, у них, как можно предположить, *отнимается сама способность воли*, что является самым страшным наказанием для разумных тварей. Вероятно, это и подразумевает в конкретном случае Евагрий.

¹⁵⁰ Ср.: «Если кто желает зреть состояние ума, пусть он отрешится от всяких [греховных]

Комментарии

мыслей и тогда увидит себя схожим с сапфиром и [сияющим] небесным светом. Без бесстрастия сделать это невозможно, и требуется содействие Бога, вдыхающего в человека сродный Свет». Также: «[Бесстрастное] состояние ума есть умопостигаемая вершина, [сияние которой] подобно небесному цветку. Во время молитвы ее озаряет Свет Святой Троицы» (Творения аввы Евагрия. С. 123).

- 151 В тексте — единственное число.
- 152 Ср.: «Соприкасающийся с ведением и легко подвигающийся на гнев подобен тому [человеку], который раскаленным железом выжигает очи себе» (Творения аввы Евагрия. С. 113).
- 153 В «Антирретике» Евагрий упоминает о «бесах блуда», которые находят основания для введения монахов во искушения с помощью слов самого Священного Писания. См.: *Frankenberg W.* Op. cit. S. 491.
- 154 В сочинении «О восьми лукавых духах» Евагрий соотносит аналогичное явление с унынием: «Преданный унынию, читая, часто зевает и скоро склоняется ко сну, потирает лицо, вытягивает руки и, отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись снова к книге, почитает немного, переворачивает листы, любопытствует видеть концы слов, считает

страницы, делает выкладку о числе целых листов, охуждает почерк и украшения; а напоследок, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что голод уже возбуждает его душу и заставляет позаботиться о себе» (Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 129).

155 Так, кажется, можно перевести данную фразу (*κατὰ φυσικὴν ἀντίθεσιν ἄρρητον*), предполагающую, скорее всего, «естественнонаучное», а не духовное объяснение подобных явлений.

156 Ср.: «Когда бесы не могут привести в движение помыслы в умозрителе, тогда они овладевают его очами, охлаждают их и погружают в тяжелый сон; ибо все тела бесов — влажны (холодны) и подобны льду» (Творения аввы Евагрия. С. 122). Евагрий придерживается того же воззрения на телесность бесов, которое намечается некоторыми древнецерковными авторами. Например, Татиан говорит: «Все демоны не имеют никакой плоти, но у них духовный состав наподобие огня или воздуха. Только тем, которые укреплены Духом Божиим, можно видеть тела демонов; а прочим, то есть душевным, никак нельзя, ибо высшее не может быть обнято низшим» (Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С. 24). Ориген, ссылаясь на якобы фразу Спасителя, которая приводится в «Учении Петра»

Комментарии

(«Я — не демон бестелесный»), и подчеркнув нецерковность этого апокрифа, замечает: «В этой книжке демон назван бестелесным в том смысле, что свойство и вид демонского тела, каково бы ни было это свойство, не похоже на это наше грубейшее и видимое тело» (Творения Оригена, учителя Александрийского. Вып. I. О началах. С. 10). Однако, по словам преосвященного Макария, «из древних учителей Церкви, хотя некоторые приписывали демонам, как Ангелам, тонкие тела, но наибольшая часть признавали злах духов, как и добрых, духами бесплотными» (*Митрополит Московский и Коломенский Макарий*. Православно-догматическое богословие. Т. I. М., 1999. С. 412–413). Впрочем, здесь следует внести некоторое уточнение в это суждение: большинство древнецерковных авторов различали понятия «плоть» и «тело» в отношении бесов и, считая их *бесплотными*, иногда признавали наличие у них *тонких тел*.

157 Речь идет о преп. Макарии Александрийском (Городском). См. выше примеч. 130. Руфин передает его беседу с дьяволом, который говорит святому, что без бесов не обходится ни одно из богослужебных собраний иноков. Желая удостовериться в этом, преподобный просит Господа дать ему откровение. «И вот он видит, как по всей церкви прыгают и точно на

Комментарии

крыльях перелетают с одного места на другое какие-то точно недоростки-эфиопы, безобразные на вид. В собрании был такой порядок: один читал псалмы, другие сидели и слушали или отвечали известными возгласами. Рассеявшись по церкви эфиопы, подпрыгивая к каждому, точно заигрывали: кому двумя пальцами закроют глаза, и тот начинал дремать; другому вложат палец в рот, и тот уже зевал» (Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина / Пер. М.И. Хитрова. Сергиев Посад, 1898. С. 103–104).

158 Ср.: «Лукавые бесы привлекают себе на помощь более лукавых, чем они, бесов. И хотя [различные] бесы по своему настроению часто противостоят друг другу, они созвучны в одном — [в стремлении] погубить душу». Также: «По мере преуспевания души против нее выступают все более сильные противники. Ибо я не верю, что около нее всегда остаются те же самые бесы. Это лучше знают те, которые [своим духовным оком] быстро постигают [случающиеся] искушения и видят, как принадлежащее им бесстрашие подвергается мощным ударам следующих друг за другом [бесов]» (Творения аввы Евагрия. С. 103–104, 106).

159 Или: «к внутреннему небу» (*εἰς τὸν οἰκεῖον ... οὐρανὸν ἀναβλέψας*). Подразумевается, вероятно, Царство Небесное, которое «внутри нас есть».

Комментарии

- 160 В последней цитате у Евагрия вместо «в дом прибежища» (*εἰς οἶκον καταφυγῆς*), как в тексте «Септуагинты», стоит «в место прибежища» (*εἰς τόπον καταφυγῆς*).
- 161 Согласно Евагрию, бесы, «будучи настроены против нас, препятствуют осуществлять возможное, а невозможное принуждают нас делать» (Творения аввы Евагрия. С. 103).
- 162 На это же место Священного Писания Евагрий ссылается и в «Антирретике», замечая, что слова из Дан. 1, 11–12 следует читать тогда, когда душа не удовлетворяется хлебом и водой, а требует еще и овощей. См.: *Frankenberg W.* Op. cit. S. 481.
- 163 Ср. рассуждение преп. Иоанна Кассиана Римлянина: «Общее правило умеренности состоит в том, чтобы каждый, сообразно с силами, состоянием тела и возрастом, столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание сытости. Кто не соблюдает одинаковой меры — то чрезмерно постится, то пресыщается, — тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве потому, что от неядения не может быть бодрым в молитве, ибо от бессилия склоняется ко сну, а от многоядения не может чисто и часто молиться; а целомудрию — потому, что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного

Комментарии

- употребления пищи, продолжается даже и во время строгого поста» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин*. Писания. С. 201).
- ¹⁶⁴ Св. Епифаний Кипрский, говоря о практике воздержания во «вселенской Церкви», отмечает ее многообразие. Одна из крайних форм этого воздержания, отмеченная данным святым, заключается в следующем: «Некоторые воздерживаются даже и от хлеба; другие от древесных плодов и вареного» (Творения иже во святых отца нашего Епифания, епископа Кипрсакого. Ч. V. М., 1882. С. 356). Но обычно в пищу древнеегипетских иноков входили хлеб, вода и соль, которые иногда дополнялись овощами. Масло часто считалось роскошью, позволительной только в старости и при телесных немощах. См.: *Regnault L. La vie quotidienne des Pères du Désert en Égypte au IVe siècle*. Paris, 1990. P. 79–93. В данном случае у Евагрия речь идет о самом строгом посте.
- ¹⁶⁵ Эта «самая прекрасная диета» (*τὴν διαίτην πάνυ καλλίστην*), в основе которой лежал опыт многих подвижников (*οἱ ἀδελφοὶ πεπευράχασιν*), засвидетельствована уже в «Житии» преп. Антония, который «пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимая ее и через два дня, а нередко и через четыре» (*Святитель Афанасий Великий*. Творения. Т. III. С. 185).

Комментарии

- 166 Аналогичное удивление выражает Евагрий и в «Прологе» к «Антирретику»: «Я удивлюсь, если наполняющий душу свою хлебом и вином увенчается венком праведности». См.: *Frankenberg W.* Op. cit. S. 473. В сочинении «К монаху Евлогию» он замечает: «Пресыщение пищею питает помыслы, а упившийся напоет сон мечтою» (Творения преподобного Нила Синайского. С. 146).
- 167 Ср. у преп. Макария, который обращается к своим чадам с увещанием: «Будем внутренними иудеями (*ioudaísomuzi év τῇ καρπῆ*), ибо «не тот Иудей, кто таков по наружности... но тот Иудей, кто внутренне таков» (Рим. 2, 28–29), кто соблюдает субботу, заставляя всегда бездействовать суетные помыслы и нечистые мысли и принимая обрезание внутреннего [своего] человека» (*Pseudo-Macaire. Oeuvres spirituelles.* P. 340–342).
- 168 То, что бесы цитируют Священное Писание, можно считать, наверное, «изыском сатанинской иронии». Следует констатировать, что именно бес уныния «подводит монаха к желанию других мест, в которых легко найти [все] необходимое [ему] и где можно заниматься ремеслом менее трудным, но более прибыльным» (Творения аввы Евагрия. С. 98).
- 169 Единственное число в Притчах Соломона Евагрий переводит во множественное. Толкуя это

Комментарии

место Священного Писания, он замечает: «Те, которые блуждают (в церковнославянском переводе — “глумятся”) по площадям, восприимают помыслы “прелюбодеяния, любодеяния, кражи” (Мф. 15, 19), а те, которые блуждают вне их, приводятся в противоестественное движение, стремясь к мужеложеству и мечтая о других запретных вещах» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes*. P. 192).

¹⁷⁰ В «Антирретике», со ссылкой на то же место Священного Писания, говорится о бесе блуда, заставляющем Израиль собирать солому и тростник вместо хлеба. См.: *Frankenberg W.* Op. cit. S. 491.

¹⁷¹ Ср.: «Многие страсти сокрыты в душах наших и, будучи незаметны, проявляются во время тяжких искушений. Поэтому должно со всяким хранением блюсти сердце (Притч. 4, 23), дабы, когда обнаружится та вещь, к которой мы [некогда] имели страсть, не быть нам уловленными бесами и не совершать чего-либо мерзкого пред Богом» (Творения аввы Евагрия. С. 122).

¹⁷² См. также одно изречение Стефана Фиваидского: «Будь бдителен к себе и *не дождь сна твоима очима, ниже да воздремлещи твоима веждама, да спасешися аки серна от тенет, и яко птица от сети* (Притч. 6, 4–5). Со всяким бдением храни

Комментарии

сердце, ибо оттуда — исходы жизни» (Творения древних отцов-подвижников. С. 184).

- 173 В «Антирретике» также упоминается «лукавый дух», противостоящий «душе моей, являющий ей прежние мои грехи и старающийся ниспослать печаль на нее». См.: *Frankenberg W.* Op. cit. S. 511. В данном случае этот «дух» конкретизируется как бес печали, который постоянно являет пред очами «идола греха» (τὸ τῆς ἀμαρτίας... εἶδωλον).

- 174 Данная мысль неоднократно повторяется Евагрием в различных вариантах. См., например: «Только один Бог, сотворивший нас, знает ум наш, и Он не нуждается во [внешних] признаках для того, чтобы ведать сокрытое в сердце [нашем]» (Творения аввы Евагрия. С. 104). Бесы же, согласно учению Евагрия, только догадываются о том, что творится в душе человека, исходя из движений его тела и производимых им слов. См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes.* P. 174–175. Данную мысль Евагрия развил преп. Иоанн Кассиан Римлянин: «Нет сомнения, что нечистые духи могут познавать качества наших мыслей, но извне заключая о них по чувственным признакам, т. е. из наших расположений или слов и занятий, к которым видят нас более склонными. Но они вовсе не могут знать те мысли, которые еще не

обнаружились из сокровенности души. Да и те мысли, которые они внушают, приняты ли, или как приняты, они узнают не по природе самой души, т. е. не по внутреннему движению, скрывающемуся, так сказать, в мозгах, но по движениям и признакам внешнего человека» (*Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. С. 290*).

- ¹⁷⁵ Скорее всего, опять подразумевается преп. Макарий Александрийский, который был пресвитером в Келлиях и оказал сильное влияние на Евагрия, особенно в области «практической аскезы». Вообще, в своих произведениях Евагрий ссылается на этого учителя по крайней мере шесть раз, включая и конкретный случай. См.: *Bunge G. Évagre le Pontique et deux Macaire // Irénikon, 1983. № 3. P. 323–332.*
- ¹⁷⁶ Последние слова (*καὶ τοῦτο θεοποιῶν*), вероятно, предполагают тот смысл, что, культивируя в себе месть, человек как бы творит из нее себе кумира и тем самым полагает весь смысл жизни своей в этой мести и злобе (кажущейся справедливой, ибо она направлена на обидчика). И вместо Бога он начинает поклоняться этому идолу мести и памятозлобия, олицетворяемому его врагом.
- ¹⁷⁷ Данные мысли Евагрия связаны с его учением о «безобразной молитве», согласно которому

Комментарии

всякие «представления» и «воображения» во время молитвы являются признаками прелести. См.: «Молясь, не облакай в самом себе Божество в зримые формы и не позволяй, чтобы ум твой запечатлевался каким-либо [чувственным] образом, но приступай к Нематериальному нематериально, и [тогда] постигнешь [Бога]» (Творения аввы Евагрия. С. 84).

178 О подобном же пристальном наблюдении бесов за людьми, в первую очередь за монахами, идет речь и в 16-м послании Евагрия, где среди прочего говорится, что лукавые духи следят за тем, как монах встречается с женщинами, бывают ли случайными эти встречи или преднамеренными, как ведет он себя с ними; бесы наблюдают при этом за словами монаха и даже за движениями его глаз и т. д. См.: *Evagrius Pontikos. Briefe aus der Wüste*. S. 227–229.

179 *Букв.*: все приводят в движение (*πάντακινῶσιν*).

180 Так мы переводим в данном случае глагол *συκοφαντέω* («клеветать, ложно обвинять, порочить, плутовать, обманывать, обижать»), которым довольно часто пользуется в своих сочинениях Евагрий. Так, в «Умозрительных главах», фрагменты которых сохранились в греческом подлиннике, он говорит: «Бесы не перестают шельмовать умозрителя» (*οὐ παύονται τὸν*

Комментарии

γνωστικὸν συχοφαντοῦντες οἱ δαίμονες). *Guillaumont C. Fragments grecs inédits d'Évagre le Pontique // Texte und Textkritik. Hrsg. von J. Dummer. Berlin, 1987. S. 219.* Толкуя Притч. 22, 16 («Обидяй — ὁ συχοφαντῶν — убогого, многая себе зла творит, дает же богатому во оскудение свое»), он рассуждает так: «Подобно тому как диавол шельмует (συχοφαντῆι) нас, беря от нас добродетели, которые он не давал нам, так и мы шельмуем его, беря от него пороки, которые мы не давали ему. И когда мы берем у него пороки, то берем у него как у бедного добродетелями, а когда мы даем ему наши добродетели “во оскудение свое”, то даем ему как богатому. Некто из старцев сказал, что мы суть клеветники (“сикофанты”), шельмующие Христа (οἱ συχοφάνται οἱ Χριστὸν συχοφαντοῦντες), обнищавшего ради нас (2 Кор. 8, 9) и ничего не задолжавшего нам; [мы же,] беря от Него многое [богатство], отдаем его сатане во уничтожение наших душ» (*Évagre le Pontique. Scholie aux Proverbes. P. 338–340*). А толкуя Еккл. 4, 1 («И обратихся аз, и видех вся оклеветания бывающия под солнцем: и се слезы оклеветанных, и несть им утешающаго, и от руки клеветующих на ня крепость, и несть им утешающаго»), Евагрий говорит: «Оклеветаниями (шельмованиями) он называет наших супротивников (συχοφαντίας λέγει τοὺς ἀντικειμένους

Комментарии

ἡμῶν), ибо сказано: “Восприми раба Твоего во благо, да не оклеветают меня гордии” (Пс. 118, 122). Опять же, о Христе Спасителе сказано: “Смирит клеветника (*συκοφάντην*) и пребудет с солнцем” (Пс. 71, 4–5). А ошельмованные (*οἱ συκοφαντούμενοι*) до Христа были те люди, у которых не было утешающего [их] и говорящего им такие слова: «Я узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг к другу с любовью» (Еф. 4, 1–2)» (*Évagre le Pontique. Scholies a l'Ecclésiaste. P. 96*).

¹⁸¹ Об этом свете (или «светозарности») см. выше примеч. 10. Ср. также: «Столп истины, Василий Каппадокийский, говорит: знание, происходящее от людей, укрепляется упражнением и радением внимания, а ведение, рожденное благодатью Божией, усиливается праведностью, незлобивостью и милостью. Первое знание возможно воспринять и [людям] страстным, второе же доступно лишь для восприятия [людей] бесстрастных — тех, которые во время молитвы созерцают собственное сияние своего ума, озаряющее их» (Творения аввы Евагрия. С. 118).

¹⁸² В одном анонимном комментарии на Пс. 118, 34 (принадлежащем, возможно, Оригену или Евсевию Кесарийскому) на сей счет замеча-

Комментарии

ется, что «человеком» здесь называется диавол и его лукавые силы (*ῥηθεῖν δὲ ὁ ἄνθρωπος τροπικῶς διάβολος καὶ αἱ κατ' αὐτὸν πονηραὶ δυνάμεις*), от «клеветы» («шельмования») которого может избавить один только Бог. См.: *La chaîne palestinienne sur Psaume 118* (Origène, Eusébe, Didyme, Apollinaire, Athanase, Théodoret) / Ed. par M. Harl. T. I // *Sources chrétiennes*. № 189. Paris, 1972. P. 404. Евагрий применяет подобное толкование еще и в «Схолиях на Книгу притч». См.: *Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes*. P. 114. И как он замечает чуть ниже, данное толкование основывается на притче Самого Господа. Это же толкование диавола как «человека» усваивается позднее и Исихием Синаитом. См.: PG 93, 1528.

- 183 Ср. толкование Евфимия Зигабена: «Этою притчею указывает на другие козни диавола. Когда он увидит, что добрая земля приносит плод во сто крат, в шестьдесят или в тридцать, и он не может ни похитить семени, ни сжечь или заглушить возрастающее, — то задумывает другого рода хитрость и, как враг посеявшего, старается погубить его труд: когда люди спят, т. е. не заботятся об охране поля (здесь указывает на учителей как охранителей правоверующих), он всевает плевелы, т. е. еретиков, среди правоверующих. Последних назвал пшеницею,

Комментарии

как полезных для сеющего» (Толкование Евангелия от Матфея и Толкование Евангелия от Иоанна. С. 170).

- 184 Уже Ориген выделяет три смысла понятия «смерть», ориентируясь, как говорит он сам, не только на обычное эллинское (т. е. языческое) употребление этого понятия, но и на значение его в Священном Писании. Во-первых, есть смерть блаженная, т. е. умирание для греха (*ἀποθνήσκει τις τῇ ἁμαρτίᾳ*), — этой смертью умер наш Господь; во-вторых, смерть грешной души, т. е. ее умирание для Бога, и в-третьих, обычная смерть, которой мы все умираем. См.: *Entretien Origène avec Héraclide / Ed. par J. Scherer // Sources chrétiennes. № 67. Paris, 1960. P. 102–104*. Видимо, сходного различия смыслов понятия «смерть» придерживается и Евагрий. Во всяком случае, он, толкуя Притч. 20, 24, говорит: «Тот не может понять пути Господни, кто еще смертен (*θνητός* — т. е. смертен смертью греха. — *А.С.*) и не умер вместе со Христом». *Evagre le Pontique. Scholies aux Proverbes. P. 312*.
- 185 Толкуя попутно в одном из своих сочинений Пс. 75, 3, Евагрий замечает, что «местом Божиим является разумная душа, а жилищем [Его] — светоподобный ум, отвергший земные похоти и научившийся взирать на смыслы («логосы») земли» (Творения аввы Евагрия. С. 124).

Комментарии

- ¹⁸⁶ Это выражение Евагрия разъясняет преп. Максим: «Из помыслов одни просты, а другие сложны. Простые помыслы — бесстрастные, а сложные — страстные, состоящие из страсти и мысли. И при этом можно видеть, что многие простые помыслы следуют за сложными, когда они начинают продвигаться к мысленному греху» (Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. С. 118).
- ¹⁸⁷ Данная глава является почти повторением одной из глав сочинения Евагрия «Мысли». См.: Творения аввы Евагрия. С. 124.
- ¹⁸⁸ Изъясняя Притч. 25, 5 («Убивый нечестивья от лица царева, и исправится в правде престол его»), Евагрий говорит: «Тот, кто духовным словом убивает [в себе] ветхого человека, “истлевающего в обольстительных похотях” (Еф. 4, 22), тот исправляет в правде свой ум, который, как говорится, есть престол Божий. Ибо Премудрости, Ведению и Правде (а всё это и есть Христос) не присуще нигде восседать, кроме как на разумном естестве» (*Évagre le Pontique. Scholies aux Proverbes. P. 392*).
- ¹⁸⁹ Здесь Евагрий опять намечает свое учение о чистой, «безобразной» молитве. В одной из схолий на Псалтирь он говорит, что есть один вид молитвы, то есть собеседования ума с Богом, который оставляет ум «незапечатленным», когда он

Комментарии

бывает полностью свободным от всего чувственного (*προσευχόμενον δὲ νοῦν πάντῃ θεῖ τῶν αἰσθητῶν ἐλεύθερον εἶναι*). Поскольку же Бог — нетелесен, то и мысль о Боге сохраняет ум «незапечатленным» (*ἀτίπωτον*). См. комментарий: *Évagre le Pontique. Sur le pensées*. P. 294. Данная мысль Евагрия (хотя и переданная не в совсем корректном с текстологической точки зрения виде) была воспринята в «Наставлении безмолвствующим» Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, которые при этом называют его «божественным Евагрием». См.: Добротолюбие. Т. 5. Сергиев Посад, 1992. С. 384.

- 190 Изъясняя Еккл. 3, 10 («Видех попечение всяческое, еже даде Бог сыном человеческим, еже пещися в нем»), Евагрий замечает, что здесь речь идет о чувственных вещах, которые занимают мысль человека и которые Бог даровал людям до очищения (*πρὸ τῆς καθάρσεως*), чтобы они пеклись о них (подразумевается, вероятно, что такое попечение служит препятствием для впадения в тяжкие грехи). Но после очищения тот, кто прошел его (*ὁ καθαρὸς* — «чистый»), уже не рассматривает эти вещи в качестве достойного занятия для своего ума, но видит в них лишь средство для достижения духовного созерцания. Ибо иное дело, когда ум запечатлевается чувственными вещами, постигая их чувственным же образом посредством чувств,

Комментарии

и иное дело, когда он расположен созерцать смыслы (*τῶς λόγους*), которые находятся в чувственных вещах (*Évagre le Pontique. Scholies aux l'Ecclésiaste. P. 80–82*).

- ¹⁹¹ Перевод гипотетичный; в тексте: *ἐνταῦθα δὲ οὐδέτερον νόημα τὸν νοῦν τυποῖ*.
- ¹⁹² Данная фраза почти буквально повторяется в «Мыслях». См.: Творения аввы Евагрия. С. 125.
- ¹⁹³ Ср.: «Когда, наконец, ум начинает чисто и бесстрастно молиться, тогда бесы нападают на него уже не слева, а справа. Они [образно] представляют ему славу Божию и принимают вид чего-либо угодного чувству, так что ему кажется, будто он уже совершенно достиг цели молитвы. Это, как сказал преизобилующий ведением муж, происходит от страсти тщеславия и от беса, прикасающегося к определенному месту мозга» (Творения аввы Евагрия. С. 84). Можно предполагать, что для Евагрия «правое око души» (как и вообще все то, что одесную) символизирует высшую степень духовного созерцания, оно по природе своей должно устремлять взор к Богу, т. е. ко Святой Троице.
- ¹⁹⁴ См. Песн. 4, 9. Ср. толкование: «Слово *единою* соответствует выражению *единым от очию твою*, потому что разумеет оное с дополнением:

Комментарии

единою душою. Ибо много бывает душ в каждом из людей невежественных, в которых страсти, по причине обладания ими, заполняют место души, отличительное ее свойство превращая в печаль, удовольствие, раздражительность, боязнь, робость, дерзость. О той же, которая обращена к Слову в единообразии добродетельной жизни, свидетельствуется, что живет одною душою» (*Святитель Григорий Нисский. Изъяснение Песни песней Соломона. М., 1999. С. 262*).

- 195 О такой молитве свт. Игнатий говорит: «Молитва исцеленного, соединенного, примиренного в себе и с собою, чужда помыслов и мечтаний бесовских. Пламенное оружие падшего херувима перестает действовать: кровь, удержанная силою свыше, перестает кипеть и волноваться. Это море делается неподвижным, дыхание ветров — помыслы и мечтания бесовские — уже на него не действуют. Молитва, чуждая помыслов и мечтаний, называется *чистой, непарительною*. Подвижник, достигший чистой молитвы, начинает посвящать упражнению в ней много времени, часто сам не замечая того. Вся жизнь его, вся деятельность обращается в молитву» (Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. II. М., 2001. С. 204).

- 196 В этих словах Евагрия выражается один из ключевых принципов и его, и вообще всего древнего иночества, подхода к Священному Писанию. Понимание Писания невозможно без подвига аскезы и нравственного преуспеяния — так, наверное, можно сформулировать кратко этот ключевой принцип. С другой стороны, постоянное чтение и размышление над Священным Писанием способствует этому нравственному преуспеянию. Согласно одному из лучших представителей древнего иночества, «как Богодухновенное и Божественное, Священное Писание имеет своей целью утвердить человека в добродетели и дать ему спасение. Священное Писание есть путь ко спасению, и все, написанное в нем, написано для нашего исправления. Учение, которое Иисус Христос передал людям и которое апостолы словом и письменами сообщили многим, есть лестница, возводящая нас к Богу. Священное Писание есть духовное зеркало, которое не только показывает наше нравственное безобразие, но, если мы пожелаем, изменяет его в красоту» (*Иеромонах Иоасаф*. Преподобный Исидор Пелусиот как толкователь Священного Писания. Сергиев Посад, 1915. С. 18).

Содержание

П. К. Доброцветов. От редакции.....3

Евагрий Понтийский.

О помыслах

1. О трех основных помыслах.....6
2. Чувственные представления
и память на службе помыслам.....8
3. О борьбе против помыслов
и предостережение против
тщеславия..... 10
4. Значение памяти в сновидениях..... 13
5. Господство над яростным началом
[души]..... 15
6. Отсутствие попечения
о мирских вещах 18
7. О том, как одни помыслы
пресекают другие..... 21
8. Три вида помыслов: помыслы
ангельские, человеческие
и бесовские 23
9. О бесе-«скитальце» 25

Содержание

10. Совершенная ненависть к бесам.....	28
11. О бесе нечувствительности.....	29
12. О бесе печали.....	32
13. О стяжании кротости.....	34
14. О помысле тщеславия.....	36
15. Начало бесстрастия и тщеславие.....	38
16. О злоумышлениях бесов.....	39
17. О необходимости защищать добрые умопредставления.....	42
18. Два вида бесов	45
19. Два способа борьбы против бесов	47
20. Два объяснения быстрой победы над помыслами	50
21. О том, что за бесом сребролюбия следуют бесы тщеславия и гордыни	52
22. Разрушительные следствия задерживания злых помыслов в душе	55
23. Необходимые условия для жизни отшельнической.....	57
24. О невозможности восприятия сразу двух помыслов.....	60

Содержание

25. Представление
нашего собственного тела и его роль
в возникновении помыслов 62
26. О том, как обрести ведение
различения..... 66
27. Сны, происходящие от смятения
страстной части души 68
28. Сновидения, порождаемые
тщеславием и печалью..... 71
29. О том, что сны позволяют
определить состояние души 74
30. Помыслы, препятствующие
благим делам и извращающие их 76
31. Различные виды помыслов
и их противоположности..... 78
32. О том, что следует быть
внимательным и укрощать
яростное начало души 80
33. Действия бесов в отношении тех,
кто предается душеполезному
чтению..... 83
34. О преемственной чреде бесов 86
35. Испытание, порождаемое
чрезмерным подвижничеством 88

Содержание

36. Вещество помыслов.....	91
37. О бесах-«сердцеведцах».....	93
38. Два вида смерти и воскресения.....	96
39. Видение «места Божиего».....	97
40. Отрешение ума от чувственных вещей	98
41. Умопредставления, которые запечатлевают наш ум, и умопредставления, которые не запечатлевают его	99
42. Очи души.....	102
43. Заключение	103
 Комментарии.....	 104

Авва
Евагрий Понтийский

О помыслах

*Перевод и комментарии
профессора, доктора церковной истории
А. И. СИДОРОВА*

Редактор *А. Н. Доброцветова*
Корректор *О. В. Грецова*
Художественное оформление *С. Ю. Губин*
Макет, верстка *Г. Н. Шафигуллина*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин,*
Е. В. Аксенова

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 26.01.2012. Формат 70x100/32
Бумага офсетная. Печ. л. 6,5. Тираж 7 000 экз.
Заказ № .

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34,
телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru.